

Литрес

Мастера
профайлинга

гелоз

Выбор

за тобой

Феномен:

ОСЕННЕЕ РАВНОДЕНСТВИЕ

Автор:

Влада Ольховская

Мастера профайлинга

Влада Ольховская
Осеннее равноденствие

«Влада Ольховская »

2024

Ольховская В.

Осеннее равноденствие / В. Ольховская — «Влада Ольховская », 2024 — (Мастера профайлинга)

Все началось со слепой собаки: она обнаружила след преступления, которое должно было остаться тайной навсегда. Но ящик Пандоры открыт, виновных нужно остановить, пока не пролилось еще больше крови. А у полиции на сей раз нет никаких зацепок, подходящих для классического расследования: нет ни единого подозреваемого, мотива, орудия убийства, нет даже тела. Последней надеждой становятся профайлеры, призванные найти чудовище, которое приняло человеческое обличье, но человеком после таких поступков точно считаться не может.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	21
Глава 3	33
Глава 4	47
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Влада Ольховская

Осеннее равноденствие

Влада Ольховская

* * *

Жизнь заставит тебя сделать выбор, нравится тебе это или нет.

Сюжет книги частично основан на реальных событиях.

Глава 1

Собака была демоном, Настя больше не сомневалась в этом.

Сура даже выглядела как демон, и первые подозрения у Насти появились в тот же день, когда Стас привел в дом эту мерзкую тварь.

– Чистокровный лабрадор! – с необъяснимо гордым видом объявил он.

Это существо не выглядело как чистокровный лабрадор... или как порождение планеты Земля, если уж на то пошло. Шерсть, в прошлом черная и глянцево блестящая, стала тусклой, покрылась крупными хлопьями перхоти, морда совсем поседела, а хуже всего смотрелись старые шрамы и ожоги, испещрявшие мех. Это нечто двигалось плохо, неловко, хромало на переднюю правую лапу. Однако самой жуткой чертой Суры оказались ее глаза – заросшие плотными сероватыми бельмами, давно уже слепые.

Это животное нужно было усыпить, а не в дом тащить! Но Стас считал иначе, он всегда был слишком добрым, и обычно Настю это умиляло, а в такие моменты непередаваемо бесило.

– Отнеси это туда, где взял! – велела она.

Стас был покладистым в большинстве случаев, однако теперь уперся.

– Куда, на бойню? Насть, эту собаку никто не хотел брать, да и не возьмет уже. Понятно, почему – ей пятнадцать лет, и ты видишь, в каком она состоянии.

– Вижу – и больше видеть не хочу!

– Потерпи, прошу тебя. Видно же, что ей недолго осталось, так пусть с нами поживет нормально, по-домашнему... Она всю жизнь служебной собакой была, спасла очень много людей. Разве за это она не заслужила хотя бы несколько месяцев покоя?

Настя очень тонко чувствовала моменты, когда на жениха еще можно надавить, а когда он будет стоять на своем до последнего. Сейчас был тот редкий случай, когда попытки спорить с ним привели бы лишь к очень неприятной ссоре.

Но и сдаваться без боя Настя не собиралась:

– Тогда ты и ухаживай за этой рухлядью, я так точно не собираюсь!

– Конечно, Настюша, ты ее даже не заметишь!

Настя считала, что в тот день он дал два обещания, одно выполнил, второе – нет.

Он действительно ухаживал за собакой только сам, помощи никогда не просил. Стас выгуливал ее по часу в любую погоду, возил к ветеринару, лечил, если требовалось. Построил для Суры теплый домик рядом с их дачей, чтобы ей было уютно. Гладил, разговаривал с ней о чем-то. В квартире случалось, что старая собака не дожидалась прогулки, и тогда Стас убирал за ней быстрее, чем Настя успевала презрительно сморщить носик.

Но второе обещание оказалось невыполнимым: Настя собаку замечала. Сура, в годы службы отличавшаяся великолепным обонянием, быстро приспособилась к жизни без зрения. Однако порой даже она беспомощно тыкалась мордой в стены и мебель, оставляя после себя пятна слюны. Бывало, что запах до Насти все-таки доходил, и она ничего не говорила, зато устраивала такое шоу, что Стас прекрасно понимал ее отношение к ситуации.

Когда они приезжали в загородный дом, Сура методично уничтожала любимые Настины цветники, била садовых гномов и оставляла пучки шерсти на светлых уличных диванах. Стас говорил, что псина протянет недолго, однако Сура за радугу определенно не торопилась.

В квартире она еще вела себя более-менее тихо, а вот в дачный домик ее лучше было не пускать. Там она непременно усаживалась возле стены и поднимала такой вой, что слышали, кажется, во всех соседних деревнях. Причем сделать это псина могла и днем, и ночью, сложно было предсказать, когда на нее настроение полаять с подвыванием накатит. Она была страшной в такие ночи: эти белесые слепые глаза, эта ярость...

– Да убери ты ее! – требовала Настя.

- Настюша, дождь же...
- Тогда заткни! Мне все равно, как, хоть пристрели ее!
- Ну тише, тише, ты что! Не говори такого при ней, она же все понимает.
- Ты сдурел? Это тупое животное, ни черта она не понимает!

Вот только, чем больше времени Сура проводила в их доме, тем больше Настя сомневалась в собственных словах. Собака вела себя странно, иногда казалось, что она готова броситься на свою предполагаемую хозяйку... Считала ли она вообще Настю хозяйкой? Или для нее важен был только Стас?

Миновало лето, осень настала и даже вступила в свои права, а Сура была все такой же живой, громкой и мерзкой, как раньше. Настя научилась просто не обращать на нее внимания, не позволять этой тварюге разрушить свою жизнь. Нужно ведь наслаждаться моментом! Например, тем, что середина осени вернула миру неожиданное тепло – почти как летнее, разве что пахнущее прелыми яблоками и сухой листвой, да еще недолгое из-за коротких дней.

Они решили воспользоваться этим, чтобы чуть дольше пожить на даче. И начиналось все хорошо, а потом Стаса вызвали на работу.

– Я поеду с тобой! – настаивала Настя, наблюдая, как он собирается. – Вернемся в город!

– Малыш, ну ты что? Это ненадолго, я завтра утром уже вернусь – и мы сможем отдохнуть здесь еще неделю! Обещаю.

Нужно было все-таки уехать, но тогда, при свете рыжего осеннего солнца, Насте показалось, что проблемы и правда преодолимы, теплом действительно нужно наслаждаться, а их собака – вовсе не демон, просто капризное старое животное.

Ночью правила игры изменились. Полил дождь, и ветер завывал где-то в старых тополях, высаженных у дороги. Ледяные струи воды хлестали с такой силой, что домик Суры очень быстро промок изнутри. И Настю не должно было это волновать, она ведь давно ждала, когда псина отправится на тот свет! Однако когда понадобилось отнять жизнь своими руками, Настя не справилась, она неохотно пустила лабрадора в дом.

Поначалу Сура как будто оценила это, затихла, устроилась на коврике, как и положено приличному животному. Настя, наблюдавшая за ней с тревогой, успокоилась, уснула... А потом началось. Проснуться под завывания крупной собаки – сомнительная радость! Настя подскочила на кровати, испуганная, с отчаянно бьющимся сердцем, не понимающая в первые минуты, что произошло... Потом до нее дошло, и страх сменился гневом.

Опять эта чертова псина! Настя, даже не проверяя, знала, что увидит, когда выйдет из спальни: страшилище, воющее на глухую деревянную стену. Именно там Сура развлекалась таким, другие части дома ее, похоже, устраивали. Стас предположил, что в стене поселились мыши, вот служебная собака и реагирует на них. Настя допускала, что это правда, однако умиляться охотничьим потугам слепой рухляди не собиралась. От мышей проблем куда меньше!

Она уже знала, что не заснет сегодня. Кровь переполнял адреналин, сердце колотилось так быстро, будто надеялось пробить ребра, вырваться наружу, убежать как можно дальше... А все из-за того, что Стасику захотелось в доброго самаритянина поиграть! Придурок сентиментальный...

Первым импульсом было позвонить Стасу, высказать ему все, чтобы и у него ночь прошла не слишком приятно. Однако Настя хорошо знала своего жениха: он посочувствует, извинится, а потом снова завалится дрыхнуть, у него с таким просто. Нет, наказать его нужно было посерьезней, чтобы урок запомнился!

Она даже знала, как. Днем бы Настя, может, и не решилась на такое, однако этой ночью давно накапливавшаяся злость на псину достигла предела. Девушка отбросила в сторону одеяло, поднялась с кровати, щелкнула выключателем... и получила еще один неприятный сюрприз: света не было. Как и, впрочем, любого электричества, гроза отступила, но взяла свою плату.

Настя позволила себе разозлиться еще больше, чтобы не поддаваться страху. Если кто-то там – она не бралась сказать, кто, да и не озадачивалась этим, – думает, что ее так просто остановить, то и очень зря! Она взяла с тумбочки фонарик, хранившийся как раз для таких случаев, и направилась в гостиную.

Сура все еще была там – была у той самой стены и затыкаться определенно не собиралась. Настя не обратила на нее внимания, она направилась к камину и взяла с подставки кочергу. Сомнительный инструмент, но не зря ведь говорят, что ломать – не строить! Должно хватить, деревянная отделка у стен хлипкая.

Другая собака, нормальная и не одержимая демонами, уже шарахнулась бы. Но эта слепая тварь будто намеренно хотела разозлить Настю еще больше, Сура упрямо сидела на месте. Пришлось оттащить неповоротливую тушу за ошейник, освобождая место для грядущей мести. О том, что собака-демон могла и наброситься, Настя подумала уже после того, как выгнала Суру из комнаты.

Ладно, это все не важно, проблему нужно решить раз и навсегда. Если там мыши, они после такого точно уберутся! Псина перестанет выть. Да и у Стаса уйдет несколько дней, чтобы полностью восстановить стену, как раз хватит, чтобы подумать над своим поведением.

Вполне довольная таким планом, Настя размахнулась и изо всех сил ударила по стене кочергой, потом – снова и снова. Силы эти, надо отметить, были не такими уж скромными: не зря все-таки на фитнес ходила! Первая трещина появилась сразу же, потом Настя намеренно била в одно и то же место, так было легче. Она подцепляла доски кочергой, вырывала их, целиком или по частям, снова била. Дерево дробилось, щепки летели в стороны, все быстрее обнажался утеплитель.

А вот мышей не было. Если бы они действительно дразнили тупую псину, от человека, да еще и такого яростного, давно бы разбежались, это понятно. Но в стене не было ни самих зверьков, ни следов их жизнедеятельности.

Хотя кое-что странное все же обнаружилось. Настя знала, что в модульных домах утеплитель под деревянной обшивкой идет сплошным слоем. Здесь же и рассеянного света фонарика хватало, чтобы заметить непонятные неровности, выделяющиеся еще и цветом. Сначала Насте было не до них, она просто поддалась ярости.

Однако в какой-то момент девушка устала, запыхалась, обнаружила, что руки уже болят, а кожу покрывают капли пота. Но и разрушение получилось масштабным! Настя ехидно улыбнулась, размышляя о том, что Стасик остаток своего отпуска на ремонт потратит. Жаль только, что псина даже теперь подвывала, скулила за закрытой дверью.

– Что тебе там вообще понадобилось? – раздраженно спросила Настя. – Там же нет ничего, дура ты старая!

Девушка отложила кочергу, взяла фонарик, до этого лежавший на диване, направила луч света на пролом. Она хотела убедиться, что там и правда не было указаний на мышей... а вместо этого почувствовала, как ужас льдом расползается по венам.

Странные серые неровности не были игрой света и тени, среди утеплителя и правда притаилось нечто инородное, то, чего там быть не могло – и не должно! Насте хотелось найти какое-нибудь понятное и простое объяснение, сослаться на дефект, строительный мусор, да что угодно придумать, только не принимать правду!

Однако правду принять пришлось, слишком уж очевидной она оказалась. Некоторые фрагменты смотрелись бесформенными пластинами, едва-едва показавшимися из утеплителя. Но было и то, что Настя могла распознать. Например, пустой круг глазницы. Или кусок челюсти с крупными зубами – три своих, один золотой... Не подумаешь, что зверь пострадал. Не поверишь, что так бывает.

Ну а потом, поддаваясь ужасу, все же признаешь, что за тонким слоем досок в стене уютного, обожаемого семейного гнездышка хранился раздробленный человеческий череп.

* * *

«Здесь вам не Голливуд!»

Вот что Елене Шёриной хотелось сказать уже давно, с тех пор как явился этот непонятный, да и, что скрывать, неприятный мужчина. Но она так и не решилась, испугалась, что прозвучит слишком истерично. Она предпочла просто прожигать мужчину взглядом, хотя он этого упорно не замечал.

Если бы выбор был за Еленой, она бы этого человека не то что не пригласила – близко бы не подпустила к месту преступления! Беда в том, что никто ее ни о чем не спрашивал. Начальство в своей фирменной манере просто поставило следователя перед фактом:

– К вам профайлер подъедет, дайте ему все осмотреть.

Вот тогда и нужно было сказать про Голливуд, однако Елена растерялась. Ну а потом в трубке стало тихо, момент оказался упущен.

Звали это нечто Матвей Истрин, и на профайлера он определенно не тянул. По крайней мере, на тот образ профайлера, который Елена создала благодаря американским фильмам, только там ведь подобное слово и звучит гармонично! Нет, взяли моду, изгадили русский язык...

Так вот, придуманный ею профайлер был невысоким, худым, болезненным даже. Бледным, потому что не вылезал из своего кабинета и библиотек. Возможно, спивающимся из-за бремени человеческих страстей, с которыми сталкивался каждый день. Готический, чуть женоподобный, с высоким лбом, бездонными глазами и обязательно в очках.

В случае с Матвеем совпадение получилось только по очкам. Выглядел он скорее как какой-нибудь чемпион по борьбе без правил – здоровенный, накачанный, и Елена сильно сомневалась, что такие мышцы он получил исключительно от бодибилдинга. Кожа не то чтобы смуглая, просто еще хранит остатки летнего загара. Глаза действительно темные, вот только далеко не печальные и угнетенные всем белым светом, а как будто... острые? Елена понятия не имела, можно ли так сказать о глазах, однако ее не покидало ощущение, что вместо глаз у этого типа осколки, о которые многие уже поранились. Вот есть такие люди, взгляд которых угнетает, и Матвей Истрин определенно был из их числа.

Впрочем, главная проблема заключалась даже не в том, что он не выглядел как достойный уважения психолог, это Елена еще готова была простить. В ней тоже не с первого взгляда следователя распознавали! Нет, гораздо больше этот тип раздражал ее тем, что прибыл сюда, добился допуска за ограждение – и ни хрена не делал!

Произошло жестокое убийство, действительно страшное, Елена, со своим многолетним опытом, нечасто видела такое, да и видеть не хотела. Но что делал Матвей? Вместо того, чтобы внимательно изучить место преступления, осмотреть тела и опросить свидетелей, он трындел по телефону, прохаживался туда-сюда, бросал отвлеченные взгляды по сторонам. Он никого ни о чем не спрашивал, он будто и не понимал, куда попал!

Елена готова была высказать ему, что он откровенно лишний здесь, оставалось дожидаться, когда он закончит болтать. Но он все никак не мог наговориться с какой-то там Верой – это имя мелькало уже несколько раз. Матвей явно был недоволен, и предмет разговора имел для него куда большее значение, чем преступление.

Ну и пускай, Елена просто махнула на него рукой. Посмотрит, уберется, а начальство, хоть и не признает свою ошибку, усвоит, что с такими типами не нужно связываться. Елена, насмотревшись на эту дешевую голливудщину, снова готова была справляться своими силами. Знать бы еще, с чего начать! В преступлении, которое произошло здесь ночью, не было никакого смысла.

Неожиданным теплом октября пользовались многие, леса были полны туристов, не верящих своему счастью. Кто-то арендовал домики, кто-то путешествовал в автодоме, а кто-то предпочитал палатки. Правда, даже при последнем варианте мало кто рисковал забираться в откровенную глушь. Гораздо популярней оказались более-менее цивилизованные кемпинги – расчищенные поляны, где можно было разбить палатку, с биотуалетом и источником воды неподалеку. Елена прекрасно знала это место, летом тут и вовсе было не протолкнуться.

Осенью количество отдыхающих значительно сократилось, и все равно их хватало. Среди древних сосен и пестрых от цветной листвы деревьев устроились три семьи с детьми, пенсионеры, которых возил по местным достопримечательностям взрослый сын, группа студентов и даже одинокий рыбак. Кто-то из них держался сам по себе с самого начала, кто-то мило пообщался у большого общего костра, но ближе к полуночи все разошлись спать.

Ну а утром выяснилось, что одной семьи не стало. Сейчас-то Елена уже привыкла к жуткому зрелищу, это раньше, когда она только прибыла, желудок болезненно сжался, сердце забилося так быстро, что стало трудно дышать... В полиции ведь тоже люди работают, не всегда можно остаться профессионально равнодушным! Особенно когда открывается такое зрелище.

Двоих детей, двенадцати и восьми лет, убили быстро и уверенно – обоим свернули шею. Больше с ними ничего не делали, но Елене и от вида двух маленьких тел, сброшенных в угол, стало не по себе. И все же основной целью атаки определенно были родители. По предварительной оценке, у каждого – под сотню ударов ножом... Вряд ли они были живы все это время. Да скорее всего, не были! Эксперт счел, что их не связывали, значит, у них была возможность сопротивляться или позвать на помощь, другие люди находились совсем близко, они услышали бы крик! Но все утверждали, что в палатке этой ночью было тихо.

Получается, минимум одного из взрослых преступник убил быстро, но это не помешало ему поиздеваться над телом. Ему нравилось видеть кровь... Похоже, ради этого он и напал. Елена уже собрала кое-какие данные о погибших. Обычная семья, не богатая, не бедная... А даже если бы была богатая, это не имело бы никакого значения: из палатки ничего не пропало, на месте остались и телефоны, и дорогой фотоаппарат, и планшет, явно принадлежавший детям. Да и не похоже, что у этой семьи были враги, способные на такую кровавую вендетту... Убить детей – это особое преступление, Елена не раз наблюдала, как решиться на такое не могли самые опытные уголовники. А здесь мальчика и девочку убили, просто чтобы они не мешали!

Елена не отрицала, что разобраться в этом деле будет очень сложно. Она задержала всех, кто ночевал в палатках поблизости, и готовилась их допросить. Но она уже знала, что убийцы среди них нет: людей обыскали, ни у кого не нашли ни ножа, ни одежды, заляпанной кровью. А крови тут должно быть очень много!

Как бы то ни было, никакой помощи Елена не запрашивала, однако профайлер этот самоназначенный все равно явился. Он ведь именно профайлер, не психолог! Потому что психолог мог хоть как-то помочь, объяснить, чего хотел убийца, но не ходить тут и не болтать по телефону, будто он не рядом с мертвой семьей, а у себя на кухне!

Наконец завершив разговор, Матвей уверенно направился на парковку, туда, где ожидали ночевавшие в палатках люди. Елена последовала за ним, быстро поравнялась, спросила со всей язвительностью, на какую была способна:

– Как вы, удовлетворили жажду общения? Это хобби такое – болтать по телефону на месте массового убийства?

– Меня это от работы не отвлекает, – равнодушно отозвался Матвей.

– От какой работы? Экспертам мешать? По крови топтаться? Вы даже не спросили меня, кем были погибшие!

– Мне нужно знать это не больше, чем убийце. Кстати, вот он.

В этот момент они оказались перед группой свидетелей, и Матвей уверенно указал на одного из них – молодого мужчину, который сидел на рюкзаке и возился со смартфоном.

Это было глупо. Оскорбительно даже! Снова голливудщина, с той лишь разницей, что в Голливуде кино снимают осознанно, а Матвей выпендривается без причины, перед аудиторией, которая к такому совсем не готова.

Именно об этом собиралась сказать Елена – и Матвею, и начальству, если оно соизволит уточнить, как же справился с делом их дутый профайлер. Но прежде, чем сделать это, следователь повернулась к несчастному мужчине, которого только что оскорбили перед всеми, включая его пожилых родителей, чтобы извиниться.

Да только извиняться не пришлось, слова сами собой застыли на губах. Елена даже не поняла сначала, почему. Она предпочитала делать ставку на факты, не на интуицию, хотя и интуиции тоже доверяла. Вот и теперь сначала забили тревогу инстинкты, а потом и мозг, натренированный годами работы в полиции, начал собирать подозрительные детали.

Мужчина не был шокирован или оскорблен. Он был напуган – но напуган не как человек, которого пытаются подставить, а он не знает, как оправдаться. Нет, он был напуган, как тот, кого поймали за руку при воровстве... или, как в этом случае, убийстве. Зрачки расширены, дыхание сбито, взгляд мечется – от Матвея к Елене, от Елены – к родителям и обратно. Он сделал резкий вдох, задержал дыхание, хотя в этом не было необходимости. Он в панике – и эта паника наступила слишком быстро для человека, который якобы был совершенно расслаблен, как и полагается невиновному.

Мужчина понял, что и Елена заподозрила неладное. Выносить это он не мог – он просто сорвался. Он подскочил с места и бросился прочь, к лесу, к свободе...

Попытка сбежать с площадки, полной полицейских, на первый взгляд казалась абсурдной, на второй – не очень. Несколько часов все шло хорошо, не было никаких причин для настороженности, дежурные следили скорее за тем, чтобы на огороженную территорию не пробрались зеваки со смартфонами или немногочисленные журналисты.

Никто не ожидал, что молодой мужчина рванет в лес, который был редким и расчищенным только возле кемпинга, дальше начиналась чаща. Эффект неожиданности давал преступнику вполне реальный шанс спастись, укрыться хотя бы на время.

Но если полицейские, которым полагалось реагировать быстро, застыли, то кое-кто другой, тот, у кого как раз особых обязательств не было, среагировал молниеносно. Елена даже не разглядела, как это случилось, Матвей все время выглядел равнодушным и неподвижным. Просто в один момент преступник бежал, в следующий повалился на землю, сжимая руками пробитую метательным ножом ногу.

– Андрей! – крикнула пожилая женщина, приехавшая вместе с ним, и спрятала лицо на груди у мужа.

– Задержите его, – велела Елена оперативникам и для наглядности указала на пострадавшего мужчину, потому что дежурные с опаской посматривали и на Матвея. После этого она повернулась к профайлеру: – Давайте отойдем!

Она даже не сомневалась, что это сомнительное задержание хоть кто-то да снял на смартфон. Матвею ничего не будет, уйдет и все, а вот ей теперь придется просто немыслимое количество объяснительных писать! Но прежде, чем засесть за это, Елене нужно было убедиться, что профайлер действительно что-то обнаружил, а не просто сошел с ума.

Они укрылись в ближайшем автодоме. Елена понятия не имела, кому из туристов он принадлежит, да и не интересовалась этим. Она быстро закрыла жалюзи на всех окошках и снова посмотрела на Матвея.

– С чего вы взяли, что это он?

– Того, что он побежал, недостаточно?

– Побежал он позже! – напомнила Елена. – И сам он наверняка будет твердить, что испугался ложных обвинений! Как будто я раньше такого не слышала...

– Если слышали, знаете, как опровергнуть.

– Уж я-то знаю! Вы про мои обязанности не думайте, сами лучше объясните, как вы вышли на него!

– Семья Алексеевых не была важна сама по себе, их убийство только выглядело личным, но таковым оно не было. Им не повезло нарваться на психически нездорового человека.

– Так, стоп! Откуда вы знаете, что они Алексеевы?

– Увидел фамилию в квитанции, лежавшей в палатке.

Надо же, он все это время оглядывался по сторонам... Елене казалось, что он смотрит в никуда, как это часто бывает с людьми, увлеченными телефонным разговором. Но Матвей с самого начала делал то, что должен, просто это оказалось не очевидно.

– Хорошо, подойдем с другой стороны, – предложила Елена. – Откуда вы знаете, что на них напал псих?

– Дети были убиты быстро и безжалостно. Убийца без психических отклонений чаще всего на такое не способен. Может, если найдется очень значимый корыстный мотив, но тут такого не было.

– Может, этот псих намеренно преследовал именно Алексеевых?

– Тогда он убил бы детей на глазах родителей, а он этого не сделал, – пояснил Матвей так равнодушно, что Елене захотелось просто выйти из автодома и никогда больше не встречаться с этим человеком.

Однако она заставила себя сдержаться – следовательно она или нет! Не важно, что она чувствует, она сможет говорить с ним так же равнодушно.

– Ладно, допустим, это псих... Но как вы вышли именно на этого человека?

– У каждого, как вы говорите, психа есть внутренний мотив, потребность, которую он хочет закрыть, внутренняя страсть. В этом случае речь идет об убийстве родителей. Прежде, чем вы спросите, почему – я снова ориентируюсь на быстрое и безэмоциональное убийство детей. А еще на то, что палатка Алексеевых не была крайней, не она ближе всего располагалась к лесу. Если бы убийце нужна была просто какая-то жертва, он выбрал бы ту палатку, в которую проще попасть. Он же предпочел рискнуть, забрался чуть ли не в центр лагеря. Для того, чтобы найти там подходящую семью, нужно было понаблюдать за ними днем.

– И вы поняли, что это кто-то из других отдыхающих? – догадалась Елена.

– Именно. Прямо передо мной стоял человек, у которого серьезные проблемы в отношениях с родителями. Я не верю в такие совпадения.

– Но ведь проблем не было! Они путешествовали вместе, причем не первый день...

– Они путешествовали на разных машинах: ключи от одной я видел в рюкзаке подозреваемого, в боковом кармане, ключи от второй держал в руках его отец. Палатки они свернуть не успели, но чехлов два. Родители спали отдельно от сына. Они прекрасно знали, что он такое. Вероятнее всего, знали давно, и сама эта поездка – попытка наладить отношения, пронизанные подозрительностью и старыми конфликтами. Думаю, изучив историю этой семьи, вы найдете немало случаев насилия и проигнорированных травм.

– Подождите... А нож? А кровь? У него не было ножа, и на его одежде не нашли следов крови!

Елена понятия не имела, почему спорит с ним. Она будто защищала подозреваемого, хотя и сама в глубине души знала, что он виновен! Но рядом с Матвеем становилось слишком страшно, и признавать правоту такого человека ей просто не хотелось.

Матвей же не воспринял этот спор как личное, отвечал он все так же спокойно.

– Подозреваемый одной комплекции с погибшим отцом семейства. Он либо использовал одежду Алексева, либо спрятал свои вещи среди его одежды, надеясь, что, когда вы со всем разберетесь, он успеет скрыться. Что же до ножа, рекомендую обыскать заросли голубых елей.

– Здесь таких нет!

– Рядом с лагерем – нет, дальше наверняка найдутся. Иначе откуда у подозреваемого иглы голубых елей в волосах?

Он не мог все это увидеть, ведь для такого нужно смотреть по сторонам... А он не смотрел, точно не смотрел! И все равно увидел. Елене уже доводилось общаться с психологами-криминалистами, но она еще не наблюдала ничего подобного.

Пока она размышляла об этом, Матвей добавил:

– Внимательно допросите его родителей. Когда их сын был ранен, причем ранен очевидно, мать закричала, но не бросилась к нему. Она его боится. Полагаю, они не просто понимают, кто он такой на самом деле. Они догадались, что он стоит за убийствами.

– Но ведь это же означает... Это означает, что четыре человека были убиты просто так, – прошептала Елена. – Просто потому, что какого-то психа вовремя не перехватили! Счастливая семья, двое детей...

Ее голос дрожал, и следователь не стеснялась этого. Она ожидала, что хотя бы такое открытие, пусть и бесхитростное, примет даже Матвея, но он по-прежнему оставался холоднее робота. Он просто кивнул:

– Да, иногда так бывает. Хорошие люди погибают без причины и вины.

– Вы как будто оправдываете это!

– Нисколько. Я просто живу в мире, где такое происходит, и стараюсь, чтобы это происходило как можно реже. Я не могу оживить погибших людей. Но я могу сделать так, чтобы их убийца не сотворил такое с другими.

А ведь он мог сотворить... Елена не сказала об этом, но не думать не могла. Если бы не Матвей, сумела бы она понять, кто виновен? Ведь изначально преступник никак себя не выдал, он волновался, но не больше, чем другие! А Елена и не предполагала... Конечно, могли помочь криминалисты, могли найти нож или сорвались бы родители подозреваемого, сумели бы доказать, какой он на самом деле, так что не факт, что он остался бы ненаказанным, но все же, все же...

Матвей ушел, а она так и не сумела его поблагодарить. Задерживать тоже не стала, хотя его советы навернякагодились бы. Не важно, Елена уже не сомневалась, что справится со всем сама. Она признавала, что этот человек помог ей, но искренне надеялась никогда больше не встретить ни его, ни кого-то подобного. Да и таких преступлений хотелось бы поменьше... Плевать, как там столь быстрое раскрытие массового убийства повлияет на ее карьеру. Елена уже чувствовала: мертвая семья будет снится ей не одну ночь.

Она готова была вернуться к привычной рутине, к отчетам, к бытовым преступлениям... Она и правда этого хотела, верила, что ничего настолько чудовищного в ее практике больше не случится.

Ну а через несколько дней ей сообщили о человеческом черепе, найденном в стене дачного дома, и взгляды на будущее пришлось пересмотреть.

* * *

Зеркал в этом зале было даже больше, чем тренажеров. Они располагались не только в зоне выполнения упражнений, возле входа обустроили парочку закутков, где съемку самих себя можно было провести чуть ли не на триста шестьдесят градусов. Рядом стояли свежие цветы – на случай, если для селфи понадобятся аксессуары.

Таиса понятия не имела, насколько это востребовано. Она пришла днем, когда клуб оставался почти пустым – и десяти человек не набралось бы. Эти десять прямо сейчас съемку не вели, хотя в их соцсетях Таиса видела немало кадров из этого зала.

Сама она предпочла бы не появляться здесь – разве что ради возможности сжечь это место. Но работа есть работа, и ей пришлось принять гостевой абонемент в клуб «Девочкин уголок».

Как непрозрачно намекало название, клуб был исключительно женский, новый, дорогой и модный. За право попасть сюда платили немалые деньги, а некоторым даже приходилось вытерпеть очередь в несколько месяцев, чтобы получить заветное приглашение. Многие гнались за самой принадлежностью к этому сообществу, попыткой попасть «в тему» и проставить ту самую элитную геолокацию возле своих фото. Однако были и такие, кто по своим причинам сторонился мужского общества. Девушка, за которой наблюдала теперь Таиса, определенно была из их числа.

– Я тебе говорю, он подсадил ее на наркотики! – вещала Юлия Лазарева, когда они с Таисой впервые встретились.

Они прежде не общались, Юля просто ко всем сразу обращалась на «ты» – привычка богатой наследницы, которая из материнского чрева полетела в золотую люльку, а оттуда – в перламутровый «Майбах» с ее именем на крыше. Таиса учить ее вежливости не собиралась, она просто ответила тем же. Если Юлю это и задело, виду она не подала, не до того было.

О том, что в мире существует Юлия Лазарева, Таисе сообщила Вера. Пока наставник проходил реабилитацию, он большую часть заданий передавал через жену, сам выходил на разговор, только если не было других вариантов. Да и Таиса не собиралась его беспокоить, общаться с Верой ей было если не приятнее, то как минимум проще.

И все равно задание удивило... Нет, понятно, как Юля вышла на легендарного профайлера: деньги не открывают все двери, но позволяют крикнуть практически в любую замочную скважину. Вот светская львица и крикнула о том, что ей нужна помощь. Точнее, не ей, а ее подруге, которая попала в плохую компанию.

Таиса подумывала отказаться, она никогда не интересовалась миром людей, которые прельстились корявым словом «инфлюенсер». Но после некоторых размышлений и бесед с Верой задание она все же приняла.

Во-первых, существовала реальная угроза для той самой подруги. Возможно, Юля и придумывала лишнего, но факт оставался фактом: девушка со сценическим именем Паулина связалась с мужчиной, которого действительно привлекали к ответственности за пьяное вождение и хранение наркотиков. Да и слухи о нем ходили очень неприятные... Юля считала, что он пристрастил к вредным привычкам и новую возлюбленную. Таиса, даже помня о том, что Паулина – взрослый человек, знала, что взрослые люди не со всем могут справиться в одиночку. Она решила проверить, верны ли предчувствия Юли, лично.

Во-вторых, Юля прилично заплатила. Таиса прекрасно знала, что любое пособие ей выплачивается из фонда, который пополняют другие ученики Форсова. Никто ее таким не попрекал, но ей и самой не слишком нравилась вынужденная роль содержанки. Теперь же гонорар полагался внушительный, да еще и за пусть и раздражающую, но безопасную работу. Ради такого стоило озадачиться!

Так Таиса и оказалась в элитном женском фитнес-клубе. Ей хватило получаса наблюдения за Паулиной, чтобы понять: беспокоилась подруга не зря.

Родители девушки, ныне зовущей себя Паулиной, о существовании такого имени даже не подозревали. Нет, их поколение, если хотело повыпендриваться, могло назвать дочь именем из сериала – Джессика, например, или Кармен, или Хуанита... Что-нибудь в таком ключе. Но они предпочли ограничиться куда более привычной для этих широт Светланой.

Росла маленькая Света в абсолютном достатке и ни в чем никогда не нуждалась. При этом она оказалась не из бунтарок, у которых наблюдается острый дефицит трусов на фотографиях, сделанных журналистами. Света была «домашней девочкой», хорошо училась, не ввязывалась ни в скандалы, ни в неприятности. Став постарше, она начала сопровождать мать на благотворительных мероприятиях, в бизнес не лезла, сразу признала, что это «не ее». Однако становиться вечной паразиткой Свете не хотелось, и она начала строить карьеру модели.

Тут ей даже не нужны были папины деньги, чтобы преуспеть, природа девушку не обделила. Света, хрупкая, миниатюрная, будто сделанная из тончайшего фарфора, быстро привлекла внимание модных домов и популярных фотографов. Они были бы не против разместить на обложке фамилию ее отца, однако от этого она отказалась сразу, хотела строить карьеру под одним лишь именем. Гуру модной индустрии повздыхали, нахмурились для приличия и в качестве компромисса попросили взять хотя бы «более продаваемое» имя. Так и родилась Паулина.

Даже в ярком, сияющем неоновыми огнями мире моды она держалась подальше от скандалов. Своих родителей Паулина неприятно удивила только один раз – когда в восемнадцать лет выскочила замуж за фитнес-тренера. Впрочем, судя по профилю, который Таиса предварительно составила на Паулину, это была скорее настоящая первая любовь, чем протест. Брак долго не продержался, тренер отправился обратно к гантелям, оставив о себе на память дочь.

Паулина обожглась на первой любви и несколько лет не позволяла себе новые отношения, сосредоточившись на карьере и активных занятиях благотворительностью. И вот в этом году она сделала то, что в мире Таисы помечалось ярлыком «уж выбрала так выбрала». Избранником улыбчивой, кроткой Паулины стал Дмитрий Волков, очень хорошо известный всем ее друзьям – он давно был вхож в светскую тусовку. Юля даже не бралась сказать, что смущало ее больше: то, что Волков был на десять лет старше избранницы, не раз пьяным гонял на машине, принимал то, что в некоторых странах считается бактериологическим оружием, или был окружен ореолом слухов о том, что поколачивал свою бывшую.

Естественно, добрые подруги донесли всю эту ценную информацию до Паулины. Она парировала аргументом-джокером «Он не такой!». С этим сложно было спорить: на многих своих преступлениях Волков не попался, удачно избежав наказания. Впрочем, даже если бы было доказано, что он избивал свою бывшую, Паулина наверняка расчихлила бы другой козырь – «Со мной он изменится!»

В первые месяцы все вроде как шло хорошо. Паулина продолжила активно участвовать в съемках, общалась с друзьями, уделяла много времени дочери. Волков рядом с ней был само очарование. Ее друзья начали подумывать о том, что он, возможно, действительно не такой.

И вот началось то, чего Юля давно уже ожидала. Паулина сделалась нервной, замкнутой, часто отменяла встречи, а если и приезжала, тонула в своих мыслях и почти не следила за разговором. Когда ее пытались расспросить, что происходит, она даже не утруждалась сочинением достойных причин. Она просто говорила, что у нее все в порядке, и на этом считала тему закрытой. Юля попробовала надавить сильнее. Паулина прекратила с ней всякое общение, и вот тогда на сцене нашлось местечко для Таисы.

Профайлер ожидала, что все подтвердится – или окажется полной ерундой. Либо Паулина наркоманка, либо нет. Либо она избита новым женихом, либо нет. Разве бывает по-другому? Однако очень скоро стало понятно, что модель застыла в какой-то крайне неприятной серой зоне.

Физических повреждений у Паулины не было, это Таиса рассмотрела довольно быстро. Ни синяков, ни ссадин, ни следов уколов – а на такой светлой коже это проявилось бы мгновенно. Да и вес, похоже, стабилен, никакого похудения, указывающего на прием запрещенных препаратов.

При этом здоровым и счастливым человеком Паулина тоже не выглядела. Она явно плохо спала, ее движения стали резкими, слишком быстрыми, слишком нервными. Она большую часть времени проводила со смартфоном в руках, и вроде как для модели с армией подписчиков это было нормально, однако Таиса слышала, как работавшая с Паулиной тренер очень удивилась такому поведению. Судя по всему, обычно модель оставляла телефон в раздевалке, чтобы дать себе хоть какую-то паузу. А сегодня, вот, постоянно смотрела на него, да и большая часть сигналов, которые издавало устройство, была характерна не для соцсетей, а для мессенджера.

Паулину что-то тревожило, без вариантов. При этом Таиса не могла уверенно сказать, что модель испытывает страх. Происходящее с ней больше походило на нервную обеспокоенность, то состояние, когда человек подозревает за своей спиной беду, но ни в чем до конца не уверен.

Это было нетипично для абьюзивных отношений, а об остальных аспектах жизни модели Таиса слишком мало знала. Она подумывала поговорить с Паулиной напрямую, но быстро отказалась от этой идеи. Богатые люди чаще всего сталкиваются с легкой паранойей, а звезды соцсетей – даже не с легкой. Вряд ли Паулина сразу согласится на доверительную беседу с незнакомкой!

Но и отступать просто так Таиса не собиралась. Она уловила момент, когда модель покинула зал. Таиса не пошла за ней сразу, однако на часы теперь смотрела очень внимательно. Она выдержала паузу в семь минут и только потом, лениво потягиваясь, направилась к выходу.

Как она и ожидала, Паулина все еще была в переодевалке – только-только вышла из душа. Замотанная в полотенце и снова со смартфоном в руках. Она одновременно читала сообщение и доставала из шкафчика сумку, по сторонам не смотрела. Таиса воспользовалась этим, чтобы толкнуть девушку плечом – не слишком сильно, но ощутимо.

Этого оказалось достаточно, чтобы Паулина уронила сумку, а вот смартфон она уберегла, она вцепилась в него обеими руками, как в самое большое сокровище на свете, судьба остальных вещей ее не волновала.

– Простите! – тут же запричитала Таиса. – Извините, пожалуйста, я не хотела, у меня просто закружилась голова! Мне дико неловко!

Ей было очень любопытно, как отреагирует Паулина – поведение в моменты стресса многое говорит о человеке. Она разозлится? Потребуется компенсации? Начнет оскорблять, угрожать? Обидится и заплачет?

Но нет, Паулина не стала переносить свое раздражение на окружающих. Она улыбнулась, устало и вполне искренне, и наклонилась, чтобы собрать рассыпавшиеся вещи.

– Не страшно, – заверила собеседницу модель. – Вы, наверно, много тренировались? Кардио? После такого может закружиться голова. Вы посидите, отдохните, а если лучше не станет, тут прямо в клубе есть врач. Вам нужна помощь?

Она общалась совсем не так, как ее подруга. Это для Юли все были «эй, ты!» и «мальчик мой, слушай сюда». Паулине вежливость давалась легко – как и любому искренне доброму человеку.

А именно такие люди чаще всего не могут толком за себя постоять.

Таиса поспешно опустилась на колени – и чтобы помочь Паулине, и чтобы посмотреть, что же модель носит в своей сумочке.

– Нет, что вы, это я должна вам помогать, – смущенно признала профайлер. – Я же на вас налетела, как корова!

– Вы совсем не корова, просто такое иногда случается...

Продолжая болтать, Таиса внимательно рассматривала все, что передавала модели. Ничего настораживающего в сумке не оказалось – три связки ключей, одни от автомобиля, другие две от помещений, сложно сказать, каких. Зеркальце, помада, косметические салфетки. Кошелек и паспорт. Стопка чеков – из тех, которые, задумавшись, берут с собой и бросают в

сумку или карман, хотя чеки эти никому на самом деле не нужны. В принципе, эти же предметы можно было найти в сумке многих девушек. Правда, сама Паулина убрала что-то еще, то, что Таиса не успела рассмотреть – но не лезть же за этим на глазах у владелицы!

– Я все равно чувствую себя виноватой, – смущенно произнесла Таиса. – Можно вас хоть кофе угостить? Мне тогда не будет так неловко!

– Если здесь, в баре, то можно... – начала было Паулина, но телефон снова запищал. Сообщение быстро стерло улыбку с лица модели. – Простите, у меня тут обнаружились срочные дела, мне нужно ехать. Но, поверьте, вы ни в чем не виноваты!

– Спасибо... Хорошего вам дня!

Такие люди, как Паулина, обычно отвечают на подобные пожелания, однако на сей раз модель даже не услышала обращенные к ней слова. Она поспешно оделась и, не высушив до конца волосы и не тратя времени на макияж, поспешила к двери. Еще одна странность... Она же звезда интернета, она знает, что будет, если кто-то сфотографирует ее без косметики! Не катастрофа, но неприятность, которой лучше избегать.

А она забыла об этом... как и о многом другом. Таисе только и оставалось, что бросить ей вслед настороженный взгляд и спросить у опустевшей переодевалки:

– Ну и что с ней такое происходит?

* * *

Мужчина, сидевший за обшарпанным столом, был из тех, кого Гарик про себя называл «молодой старик». По паспорту он наверняка не был стар – судя по состоянию мышц и совсем легкой седине в волосах, вряд ли ему больше сорока. Но даже за эти не самые долгие годы сомнительный образ жизни знатно потоптался по биологическому возрасту. Кожа дряблая, нездорового цвета, под глазами мешки, в которых можно тайно вывезти золотовалютный запас Монголии, ногти желтые и обгрызены до кровавых струпьев. Обычно такие представители рода человеческого сразу включались в список тех, кого Гарику не хотелось видеть даже на расстоянии ста метров.

Но тут случай был особый, и брезгливость пришлось подавить. Мужчина неопределенного возраста выдал сомнительную, однако очень ценную для полиции историю. Проверить его слова на правдивость сначала хотели на полиграфе, однако выяснилось, что бурная юность привела сердце мужчины в такое состояние, что адекватного пульса от него можно было не ожидать.

Пришлось обратиться к профайлерам. Гарик такие задания не любил: ему не нравилось пристально рассматривать уголовные рожи, ему куда больше нравилось эти рожи бить. Он сразу заявил, что Матвей бы справился с таким гораздо лучше.

– Он достаточно душный для этого, – заявил Гарик в телефонном разговоре.

– Ты хотел сказать «дотошный», – мягко поправила Вера.

– Очень хотел, но почему-то не сказал.

Однако Матвей уехал, вернуться ему предстояло только вечером, так что пришлось его подменить. Теперь Гарик стоял в углу допросной комнаты и даже не скрывал, что считает себя мучеником.

– Это еще кто? – с подозрением покосился на него мужчина.

В ответ Гарик лишь показательно тяжело вздохнул и уткнулся в смартфон, в котором было открыто письмо с данными о подозреваемом.

Филипп Залецкий, значит, и ему действительно сорок лет... В таком Гарик как раз ошибался редко, но к психологии это никакого отношения не имело. Что же до профиля преступника как такового, то тут Залецкому лучше всего подходило определение «агрессивный

дебил», и Гарик искренне не понимал, почему наука еще не признала такую емкую характеристику.

Филипп с детства не интересовался учебой, а потом с тем же рвением не интересовался честным заработком. Зачем вообще работать, если можно украсть? Или хотя бы кулаками помахать, всё попроще, чем напрягать мозги. Так что незавидную карьерную дорожку он начал с позиции вышибалы, потом был повышен до телохранителя, но далеко не у сливок общества. Где-то на этом этапе Филипп открыл в себе талант коммерсанта и ушел в сутенеры и торговцы запрещенными веществами – эти две роли в его мире можно было успешно сочетать.

Интрига в судьбе таких, как Филипп, чаще всего проста: убьют их или посадят? Учитывая вспыльчивость, у Залецкого были все шансы стать почетным обладателем битой бутылки в кадыке. Но его участь оказалась еще более затейливой, такого Гарик и предположить бы не смог.

Нет, начиналось-то все банально: Филипп выбрал одну из своих подопечных – попышнее да поговорчивее, из тех, что даже не притворяются, будто они здесь копят деньги на новую жизнь. Ночная бабочка была идейной представительницей своей профессии и ничего не имела против бурной ночи с сутенером, сулившей ей определенные бонусы в будущем.

Филипп и его спутница усидели на двоих бутылку какого-то мутного пойла, которое не помешало им поехать «кататься» – носиться на сумасшедшей скорости по загородным дорогам. За время этих незатейливых развлечений дама обслужила кавалера, как могла. Потом Филипп решил, что ему так все-таки неудобно, да и определенный риск для стратегически важных частей тела присутствует. Поэтому он свернул на лесную дорожку, и там дама обслужила кавалера еще раз. После этого проститутке захотелось не помечтать о совместном будущем, а справить малую нужду. Филипп иронию момента не оценил и попросту согласился.

В лесу оказалось страшно и неудобно, поэтому женщина, свободная от комплексов, устроилась прямо за задним колесом машины. И ничто не предвещало беды – кроме того, что изначально небольшой, а теперь еще и одурманенный алкоголем мозг Филиппа мгновенно забыл, что спутница вообще была. Видимо, сутенер решил, что приехал в лес один, посмотреть на звезды. Осознав, что насмотрелся, Филипп включил задний ход и ударил по педали газа.

Жизнь проститутке спасло лишь то, что скорость была небольшой, а автомобиль подпрыгнул слишком уж высоко, чтобы водитель принял свою жертву за кочку. Здоровье же прямо сейчас спасали врачи. Филипп мог бы бросить искалеченную женщину в лесу, но не стал, все-таки вызвал медиков.

Ну а потом, когда он протрезвел, он понял, какая незавидная доля его ожидает. Причем не только из-за искалеченной проститутки – она старательно делала вид, что всем довольна. Куда больше сутенера подвели вещества и оружие, найденные в его машине.

По совокупности намечался очень серьезный срок, а Филиппу никакой сидеть не хотелось. Его неуправляемый ум предложил решение довольно быстро: Залецкий готов был сообщить об убийстве, оставшемся незамеченным, если полиция освободит его от любой ответственности.

Следователь сделал вид, что согласился. Филипп, у которого разница между кино и реальностью терялась все стремительней, решил, что так и надо, что никакие документы не нужны, и начал откровенничать. Сейчас он перед Гариком раздраженно повторял то, что уже говорил раза три.

– Я не был с ней знаком, но видел ее несколько раз. Она приходила к моему боссу – я тогда еще был его телохранителем.

– Проститутка? – уточнил следователь.

– Не, его постоянная любовница. Босс собственник, он остро против шалав. Девочка милая была... А однажды я прихожу на свою смену и вижу – она уже мертвая лежит.

– То есть, ты в убийстве не участвовал?

– Я уже говорил, что нет! – возмутился Филипп. – Я все это не раз говорил! Сколько можно вообще?!

– Дальше что было?

– Он меня увидел... И вид такой шальной, как будто он только с луны свалился или я не знаю... Он сказал: поможешь мне!

– Сделать что?

– Погрузить тело в ящик. У него был ящик, он принес, мы туда девочку убрали. Все! Потом он сказал мне никому не говорить, денег заплатил... Я тогда свое дело и начал! Я все это на суде повторю.

Нет, все-таки иностранные сериалы надо запрещать... по крайней мере, таким, как Филипп. Тем, кто их как руководство к действию воспринимает.

Гарик первым направился к выходу, намекая, что услышал достаточно. До кабинета следователя он тоже добрался первым и, не дожидаясь приглашения, плюхнулся на гостевой стул. Получилось бы даже эффектно, если бы стул не издал подозрительно хрюкающий скрип, намекая, что перевидал слишком много и заслуживает большего уважения.

– Что думаете? – поинтересовался следователь.

Несложно было догадаться, почему никто не спешил верить Филиппу – равно как и сразу отвергать его рассказы. Его бывшим начальником оказался известный «химик», изготовитель наркотиков, к которому полиция уже не один год не могла подобраться. Такого привлечь – одно из тех дел, которые сразу оседают звездами на погонах! При этом личность Филиппа тоже нужно было учитывать. Человек, который переехал собственную любовницу, потому что память подвела, не был первым кандидатом на роль ценного свидетеля.

Но все это до того, как к делу привлекли профайлера. Гарик не отрицал, что в чтении человеческих эмоций он уступает Матвею, а иногда даже Таисе. Но Филипп Залецкий сделал задачу потрясюще легкой.

– Он не врет, – сразу же сообщил Гарик. – По пути сюда я просмотрел видео его предыдущего допроса...

– Я думал, вы за рулем.

– Ой, что я за тем рулем не видел! – отмахнулся профайлер. – Так вот, как и большинство нарикков, Филиппка – фантазер, он действительно мог сочинить сказку про загадочную мертвую девушку. Но ему никогда не хватило бы мозгов повторить свои рассказы на следующий день, не путаясь в деталях. Похоже, что-то он действительно видел и считает это ценной информацией. Однако ж и прибрехивает он без сомнений.

– В смысле?

– От него требовалось не упаковать труп в коробочку и перевязать ленточкой. С телом сделали что-то другое... худшее. На этом моменте Филипп всегда сбивается, но эти травмирующие воспоминания, как ни странно, тоже доказывают, что он не врет. Его нужно повторно допросить, на этот раз с пристрастием. Я сегодня свободен весь день до вечера.

– Спасибо вам за помощь и предложение, Игорь, но дальше мы справимся сами.

– Да не Игорь я, – страдальчески поморщился Гарик.

Но на своем предложении он настаивать не стал, он заранее мог сказать, что следователь не согласится. Возможно, из-за профессиональной ревности или недостатка доверия психологам... Гарик было все равно, он в таких ситуациях не раз бывал. Сейчас следствие попляшет с бубном, укусит собственный зад, порадует своей ловкости и все-таки призовет профайлера обратно.

Работу Гарик никогда не торопил, если у него освободилась половина дня, он собирался насладиться этим сполна. Но только он настроился на отдых, как телефон в кармане взорвался звуковыми сигналами.

Это было настолько неожиданно, что Гарик, в иное время расслабленный, чуть на ближайшее дерево не запрыгнул. Нет, то, что у него в кармане телефон, не стало для него открытием. Но профайлер не сомневался, что настройки звука были другими – гораздо тише! А теперь небольшое устройство гроыхало так, что было слышно на всю улицу.

Гарик посторонних взглядов не стеснялся, просто не любил их. Он поспешил достать телефон, чтобы понять, что же случилось. Он ожидал увидеть оповещение о звонке или сообщении, однако не получил ни того, ни другого. Телефон как будто завис, экран остался черным, но на нем полыхали всего два слова – набранные заглавными буквами и повторяющиеся снова и снова, рядами, сплошной пеленой...

«ПОМОГИ МНЕ!»

Глава 2

В последние месяцы Матвей предпочитал брать задания подальше от города. Он легко определил бы причины такого поведения, если бы позволил себе задуматься о них. Именно поэтому он никогда не задумывался, работал и все.

Он был не против полностью сосредоточиться на каком-нибудь сложном проекте. Не то чтобы он приветствовал совершение преступлений, он просто слишком хорошо понимал: люди все равно будут нарушать закон. Кто-то должен с таким разбираться, так почему не он?

Вот только сложных заданий Матвею пока не попадалось. То, что ставило в тупик местную полицию, обычно отнимало у него от силы пару часов. Его благодарили, а он чувствовал, что ему все равно, как только работа заканчивалась, мысли сами собой улетали куда-то далеко. Проблемой это пока не было – но было тревожным звоночком.

Изменить Матвей ничего не мог, он снова возвращался домой ради короткого отдыха и выбора нового задания. Именно тогда ему и позвонил Гарик.

В том, что звонок важен, Матвей не сомневался ни секунды. Человек, знакомый с ними обоими поверхностно, предположил бы, что Гарик вполне способен позвонить, просто чтобы поболтать. Однако Матвей прекрасно знал: если второму ученику Форсова хочется поболтать или просто нечего делать, он становится незванным гостем. Гарик – деятельная натура, телефонные беседы его утомляют, он если и звонит, то только по делу.

Поэтому Матвей принял вызов, сразу переключил на громкую связь, благо сделать это было несложно, телефон оставался подсоединен к компьютеру машины.

– Ты сейчас где? – деловито осведомился Гарик.

Голос был спокойным, привычно насмешливым, Гарик так всегда общается. Это не означает, что беда не произошла, просто она, скорее всего, не касается лично Гарика.

– В машине, примерно в десяти километрах от города.

– На шоссе? Остановись где-нибудь! Это срочно!

– Зачем?

– Кино смотреть будешь.

И снова Матвей оценивал поведение собеседника по опыту долгих лет их знакомства. Гарик не пытается разозлить его намеренно, он вряд ли даже понимает, что такой тон раздражает. Он сейчас взволнован чем-то, как бы он ни старался изобразить спокойствие, и о тонкостях общения он не думает.

Матвей чуть прибавил скорость и очень скоро свернул на первую попавшуюся площадку для отдыха. В вечернее время там уже обосновалось несколько машин, но ни одна из них Матвею не мешала, и их водители уж точно не могли подслушать.

– Я жду, – объявил Матвей.

– Я бы предупредил тебя, что там жестко, но... Из твоих нервов и так гвозди делать можно!

Предупреждение Гарика не было преувеличением. Запустившееся на экране видео действительно оказалось не из приятных... Кого-то оно бы повергло в ужас, кого-то заставило распрощаться с остатками обеда. Матвей наблюдал за происходящим спокойно, однако радости от такого зрелища точно не испытывал.

Прямо на его глазах умирали две женщины. Камера, снимавшая все это, заметно подрагивала – ее нес убийца. Матвей невольно отметил, что дело не только в движении, похоже, у преступника сильно дрожали руки. Но это не помешало ему довести дело до конца.

Сначала он вошел в спальню, где дремала женщина лет пятидесяти. Судя по спортивному костюму из мягкого плюша, сон был дневной – она просто устала и решила отдохнуть. Она не проснулась, и когда убийца оказался прямо у ее кровати – зато ее разбудил первый удар. Били,

похоже, монтировкой, с немалой силой – но с недостаточной, чтобы сразу нанести смертельное ранение. Тем хуже для жертвы, потому что это ее не спасло. Преступник бил снова и снова, быстро, яростно, и в ярости этой читался гнев, накапливавшийся очень долго. Женщина кричала, защищаясь, но ни одного слова она не произнесла, а потом и вовсе затихла. Преступника это не удовлетворило, он еще несколько минут избивал неподвижное тело.

Пока на экране происходила расправа, за кадром звучал голос Гарика.

– Мне это тоже сюрпризом прилетело! Это видео появилось примерно два часа назад в чате онлайн-игры «Мир миражей». Она из тех бродилок, где сорокалетний дядька может выбрать себе аватар шестнадцатилетней эльфийки с гигантскими сиськами и побеждать драконов, попутно соблазняя в чате малолеток. Короче, не та реальность, где ты ожидаешь увидеть вот такое!

– Кто прислал видео? – поторопил его Матвей. – И с какой целью?

– Там есть некто под ником «Суб-Чел» – я второе слово не с первой попытки прочитал. Он давно был известен местным как полуадекват, из тех, которые шутят про мертвых младенцев и ждут, что им за это приз дадут. Он был таким всегда, все те годы, что играет, на него привыкли не обращать внимания. А сегодня он швырнул в чат вот это. Сначала все подумали, что это подделка...

– Это не подделка.

– Я вижу! И они разобрались. Он сказал, что сегодня готов убить свою семью.

– Они заявили в полицию?

– Естественно! Но в полиции не поверили, решили, что это какой-то геймерский прикол. Тогда это все свалилось на меня, я чуть-чуть отсыпал на тебя.

– Ты здесь при чем? Ты играешь?

– Вот уж нет! – оскорбился Гарик. – Если мне понадобится красotka, я знаю, где в реальности накопать!

– Плохо уже то, что ты для этого копаешь. Еще раз: при чем здесь ты?

– Один из разработчиков игры – Юдзи. Это не основной его заработок, скорее, хобби, но он в админах.

– Твой ручной хакер?

– Он бы от такой формулировки немножко лопнул, но по сути верно. У Юдзи такая истерика, что он взломал мой телефон ради просьбы о помощи.

Между тем кровавая расправа продолжалась. Покончив с женщиной в спальне, убийца направился вниз по лестнице, вошел в просторную комнату – то ли гостиную, то ли домашнюю библиотеку. Матвей отметил, что дом как минимум двухэтажный и в целом ухоженный, но не богатый: мебель старая, сувениры умеренно дешевые, дизайнерских аксессуаров нет вообще. Вероятнее всего, семья, пробившаяся из бедности к среднему классу.

В комнате сидела женщина лет восьмидесяти, похожая на ту, убитую. Она читала книгу, но, увидев подошедшего к ней преступника, тут же вскочила на ноги. Она боялась – не его, а за него. Она увидела, что он весь в крови, она решила, что ему нужна помощь.

– Милый, что случилось? – растерянно прошептала она.

Он не ответил. Да и не мог ответить... Он, судя по всему, давно принял решение и с этого момента воспринимал женщин не как близких людей, а как будущие трупы. Он ударил сразу, если при первом убийстве он медлил хотя бы в начале, то теперь напал без малейших сомнений.

Матвей знал, что помочь этой женщине уже невозможно. Убийца не запускал прямой эфир, он сбросил в чат запись – следовательно, обе его жертвы уже были мертвы, когда он связался с сообществом. Поэтому теперь оставалось лишь наблюдать за ним, за окружением, чтобы как можно скорее его поймать.

– Почему Юдзи не определил, где он находится? – уточнил Матвей. – Хакер он неплохой.

– Ага, только этот Суб-Чел тоже хакер. Там вся тусовка бросилась пробивать, где крысеныш затаился. Но им удалось только определить частный сектор в Подмоскowie, с домом беда. Юдзи думает, что я сейчас явлю чудо и дам подсказку. А у меня по нулям!

Как и предполагал Матвей, за своими шуточками и фирменной иронией Гарик прятал гнев. Его тоже разозлило убийство двух незащищенных женщин, он хотел наказать подонка, совершившего такое – и не смог.

Но ничего еще не закончилось.

– Когда он скинул ролики, он добавил «Двое минус, осталось двое», – добавил Гарик. – То есть, он собирается грохнуть кого-то еще!

– Сестру и отца, – отозвался Матвей, запуская ролик на повтор.

– Что?.. Откуда ты знаешь?

– Когда он спускался по лестнице, там были фотографии на стене. Лица не рассмотреть, но четко просматривался типичный семейный портрет – двое взрослых, два ребенка, мальчик и девочка.

– А внизу явно бабушка, бонусом шла, – задумался Гарик. – Но это дает нам не так уж много...

– Пока – да, но с этим можно работать. На убийство собственной семьи решаются по двум причинам – жестокое обращение со стороны родных или слишком сильная любовь.

Вторая причина наверняка шокировала бы многих, но не Гарика, он ведь тоже был опытным профайлером. Он знал, что человек с психическим отклонением может убить свою семью из страха разочаровать их. Судя по тому, как обратилась к убийце бабушка, он был любимым ребенком, да и в целом дом указывал на благополучную семью.

– Я полагаю, он в чем-то винит себя, – отметил Матвей. – Даже его ник в чате намекает на нечто низшее, того, кто не дотягивает до человека. Он менял ник? Уточни у Юдзи.

Неожиданно из колонок зазвучал голос хакера:

– Я вас и так слышу. Пардоньте, что вскрыл вашу болталку, но я тут не то что на иголках, на колючках сижу!

– У всех свои предпочтения, – проворчал Гарик. – По нику что?

– Не менял, – отрапортовал Юдзи. – Под этим ником играет уже четыре года. И всегда был странным!

– Полагаю, в последнее время количество мрачных шуток с его стороны возросло? – поинтересовался Матвей.

– Ну да... Мы его даже банили пару раз, когда совсем уж крипоту притаскивал... Но это всегда были картинки и коллажи из интернета, ничего подобного! Мы не знали...

– Вы и не должны были знать, – успокоил его Гарик. – Абсолютное большинство тех, кто такие картинки мечет, безобидны. Но ваш парень явно скатывался в буйное помешательство...

Со всем этим Матвей был согласен, однако считал, что причины можно обсудить позже. У них оставалось две жертвы, которых еще можно спасти, вот о чем нужно думать!

– Отца и сестры нет дома, – сказал Матвей. – Только поэтому они еще живы. А из дома он не высунется, он импульсивный убийца, ему важна своя территория.

– Он пишет, что сдастся полиции, – неуверенно сообщил Юдзи.

– Он и сдастся, но только когда все будут мертвы. Искать этого преступника не придется, он не убежит, но не в этом наша цель. У вас там команда хакеров, так? Им придется поработать.

– Так мы всегда готовы, но этот урод затихарился! Нужно больше инфы о нем.

– Сейчас получите, – отозвался Матвей. – Он явно обманывал свою семью – минимум четыре года, столько, сколько у него этот ник. Такие убийцы предпочитают уничтожить семью до того, как ей станет известно об обмане, не после. Получается, в ближайшие недели или месяцы должно было состояться разоблачение. Ваш убийца – мужчина от двадцати до тридцати лет, у него есть сестра, тоже взрослая. Он в последние четыре года чем-то публично хва-

стался – учебой в престижном вузе, хорошей работой, спортивными достижениями, победами в конкурсах. Чтобы впечатлить свою семью, он не мог не вынести это в соцсети.

– Откуда ты знаешь, что он хотел их впечатлить? – поразился Юдзи.

– Иначе обман не стал бы таким грандиозным, что этот тип решился бы на убийство, – ответил Гарик. – Урод действительно считает, что другого выхода нет. И он убежден, что совершает доброе дело. Я согласен с Матвеем, этот фрикер искренне любит свою семью, но вряд ли они такую любовь оценили! Ищи того, на кого он указал, с пафосными постами и фото. Ограничение – район проживания, на который вы уже вышли. Пусть ваша команда проверяет, числится ли человек в том вузе или в той компании, о которой говорит, были ли у него реальные победы. Вперед, не тупим!

Юдзи ничего не сказал – значит, занялся делом. Да и Матвей не собирался позволять себе паузу. Он лично связался с полицией и объяснил, насколько все серьезно – профайлер умел быть убедительным. Теперь у хакеров появилась и силовая поддержка, загвоздка состояла лишь в том, чтобы вычислить адрес убийцы.

Матвей заставил себя в третий раз пересмотреть кровавое видео, однако пользы это не принесло. Убийца был очень осторожен, он сделал так, чтобы в кадр не попал вид из окна. Но этого и следовало ожидать: сумасшествие не предполагает низкий интеллект, частенько случается как раз наоборот.

Да, убийца точно рос в атмосфере высоких ожиданий, он умен, он с детства слышал о том, что его ждет блестящее будущее. Но по какой-то причине он это будущее загубил, причем четыре года назад. Вместо того, чтобы исправить ситуацию, он с головой ушел в виртуальный мир, где он мог быть кем угодно, хоть трижды героем. Однако собственный разум стал для него проклятием, он не мог забыть, что в реальности он никто – и с каждым днем оказывается все глубже. Это проявлялось в черном юморе, выливавшемся желчью на страницы чатов. Настолько черном, что даже геймерское сообщество, терпимое ко многому, отправляло его в бан.

Сейчас он уверен, что правда на его стороне. Убийца авансом приговорил сам себя – возможно, он действительно сдастся, а может, покончит с собой, это тоже вариант для людей с таким расстройством. Однако важно то, что он дал себе позволение убить сколько угодно человек – он ведь отсидит! Это справедливо, они были бы ему благодарны!

Он уверен, что скорость совершения преступлений гарантирует, что ему никто не помешает. Он даже подстраховался, сбил хакеров со следа – это лишь доказывало, что он умен. И бессилие перед его помешательством действительно злило, но Матвей старался сдерживаться – ничего еще не закончилось...

– Есть! – объявил Юдзи. – Мы его нашли! Егор Рóпшин, есть адрес!

– Откуда вы знаете, что это именно он, почему только один вариант? – насторожился Матвей.

– Гарик сказал, – простодушно пояснил хакер.

– Гарик, что ты сказал и почему я этого не слышал?

– Потому что я мультифункциональный и помимо нашего звонка еще по трем чатам общаюсь, – отозвался Гарик. – Они мне скинули список из пяти имен, этот парень подходит лучше всего. Остальные пусть и преувеличивали, но хотя бы использовали свои реальные достижения – например, называли не ту должность в компании, завышали стоимость машины, такое вот... И только он заявил, что поступил в МГУ, но в списках Юдзи и компания его не нашли.

– Он четыре года учился в другом вузе, частном и не особо известном, – подтвердил хакер.

– Но почему он спохватился сейчас? Он не первый, кто затеял такой обман, обычно они срываются перед выпускным, а сейчас осень.

– Соцсети подвели, – пояснил Гарик. – На том факультете, к которому Егор себя приписал, нашлись энтузиасты, которые создали группу с информацией обо всех студентах выпускного курса – для потенциальных работодателей.

Что ж, Гарик явно не ошибся, все сошлось... Егор, не имевший к МГУ никакого отношения, не ожидал подобного и узнал о существовании группы вместе с другими пользователями Сети. Он не сомневался, что рано или поздно про группу услышит и его семья, им ведь явно гордились, следили за его успехами! По сути, он столкнулся с тем же, с чем иные обманщики сталкиваются к выпускному: его слова разбивались о суровую действительность.

И он, давно уже терзаемый собственной совестью, сорвался. Но это ничего, еще есть шанс...

– Вы ведь нашли адрес? – уточнил Матвей.

– Конечно! – отрапортовал Гарик. – Я уже скинул и полиции, и Таисе.

И только Матвей позволил себе чуть успокоиться, только решил, что ситуация под контролем, как прозвучали последние слова – и они хлестнули больнее, чем он ожидал.

– При чем здесь вообще Таиса?!

– А ты думал, что она останется в стороне? – удивился Гарик. – Да я вам обоим сообщил одновременно! Я же сказал тебе, что я в нескольких чатах, Юдзи поспособствовал. Она тоже думала над разгадкой.

– Зачем ей адрес убийцы?

– Она сейчас на колесах, и она ближе всего к его дому, я тоже еду...

– Ты сошел с ума? – перебил его Матвей. – Она же сейчас рванется туда!

– Так в этом и смысл! Ты прекрасно знаешь, что опытный профайлер может остановить убийцу, слетевшего с катушек на нервяке!

– И погибнуть тоже может. Эта мысль тебе в голову не приходила?

– Слушай, Таиса взрослая женщина и неплохой профайлер, она сама вызвалась поучаствовать!

– Она безрассудна, поэтому и вызвалась. Отзывай ее немедленно!

– Ты ведь понимаешь, что не получится? Это же Таиса! Да все будет хорошо, там уже поспокойней, и я вот-вот подъеду!

В чем-то Гарик прав... После убийств прошло уже несколько часов. Егор был один рядом с остывающими телами любимых людей, это вполне могло оказать на него гнетущее впечатление – и изменить его планы. Да и Таиса наверняка доберется туда одновременно с полицией... Она ведь не враг себе, она будет действовать осторожно!

Но едва Матвей заставил себя успокоиться, едва поверил в это, как в игровом чате, который Юдзи по его просьбе вывел на экран, появилось новое сообщение от убийцы:

«Папа дома».

* * *

Меньше всего на свете Таисе хотелось встречаться с обезумевшим убийцей, уже устроившим расправу над собственной семьей. Но не поехать она все равно не могла. Полиции она доверяла, однако помнила, что в таких ситуациях силовые методы нужно применять осторожно. Если все жертвы уже мертвы и осталось просто задержать преступника – вопросов нет, вперед! Никакой жалости к нему Таиса не испытывала, она не верила, что болезнью можно объяснить все на свете.

Но в этой ситуации речь шла о двух людях, которых еще можно спасти. Насколько было известно Таисе, хакеры во главе с Юдзи уже пытались связаться с отцом и сестрой убийцы, однако пока у них не получалось. Да, они могли пробраться в любое устройство, а толку-то, если на это устройство никто не смотрит?

Встреча лицом к лицу способна дать куда больше, этим и собиралась заняться Таиса.

Она уже подъезжала к нужному району, когда на экране смартфона появился номер Матвея. Пожалуй, следовало удивиться, но удивления Таиса не чувствовала, просто ответила и все.

Приветствие Матвей проигнорировал, он сразу заявил:

– Тебе туда нельзя!

– Я буду там через пять минут, – отозвалась Таиса.

– Полиция уже прибыла?

– Гарик сказал, что группу захвата отправили из Москвы, они будут минут через десять.

– Значит, пятнадцать, а то и двадцать, – рассудил Матвей. – Не суйся туда одна!

– Просто из любопытства... с чего ты взял, что можешь мне приказывать?

– Потому что я здраво оцениваю ситуацию.

– Как профайлер? А мне, конечно, до тебя расти и расти?

– Судя по детской манере ведения спора – да.

Возмущение вспыхнуло мгновенно, и хотелось нахамить в ответ, но Таиса знала, что это вряд ли докажет ее эмоциональную зрелость. Да и потом... Тем, на кого тебе плевать, ты с предупреждениями звонить не будешь, пусть даже хамскими.

– Со мной все будет в порядке, – заверила Таиса. – Я не собираюсь входить в дом, а из дома он не вылезет! Я посижу в машине, чтобы перехватить других двух жертв, когда они появятся.

– Отец уже внутри – и уже мертв.

– Что?..

– Семь минут назад этот «недочеловек» выложил в чат ролик его убийства. Он снова на взводе, Таиса, держись подальше от этого дома!

– Я буду осторожна, обещаю! – только и сказала Таиса.

А потом выключила телефон. Потому что они оба знали: осталась еще сестра, которую нельзя бросать на произвол судьбы.

Таиса видела запись убийств, у нее даже от просмотра мурашки шли по коже. Встречаться с человеком, способным на такую безжалостную расправу, ей точно не хотелось, она сказала Матвею правду: она планировала перехватить четвертую жертву на улице и не приближаться к дому.

Но не всем планам суждено сбыться. Таиса поняла это, когда, подъехав, увидела у нужного дома небольшую старую машину, явно женскую – полную мягких игрушек, с розовыми чехлами в салоне. Вряд ли отец убийцы ездил на такой!

Таиса выскочила из собственного автомобиля, поспешила вперед, прижала руку к капоту. Теплый, двигатель только-только перестал работать, время еще есть!

Это вмиг стало главным – и куда более важным, чем то, что поджидало внутри. Таиса запретила себе обдумывать все варианты собственной гибели, иначе она замерла бы тут от ужаса, а потом никогда бы себя не простила. Она просто рванулась в дом.

Как она и ожидала, входная дверь небольшого коттеджа оказалась не заперта, а в прихожей уже было шумно. Да и понятно, почему! Егор легко убил своих старших родственников, потому что застал их врасплох. Для них этот день был самым обычным, они не ожидали подвоха от родного человека, они даже не думали защищаться, ну а потом он наносил первые удары, ослаблявшие их или даже лишавшие сознания, и сопротивление становилось скорее последней агонией.

С сестрой получилось иначе. Даже в темном холле она сумела разглядеть окровавленное тело отца, застывшее возле ступеней. Вряд ли она любила брата так же сильно, как родители, возможно, она уже давно замечала в нем нечто подозрительное, просто объяснить не могла. Но когда он набросился на нее, она была готова как минимум подсознательно.

Она сопротивлялась, как дикая кошка. Девушка была меньше брата, явно ниже ростом – хоть сейчас они оба упали на пол, разница в размере все равно легко просматривалась. Однако сестра не позволила этому остановить себя, она отбивалась, царапала ему лицо руками, получала травмы – но не замирала, не позволяла брату нанести решающий удар.

Это не спасло бы ее, не по-настоящему, он бы все равно победил, если бы речь шла только о них двоих. Но Таиса все же решилась войти, и это многое изменило.

Разговаривать с Егором сейчас было бесполезно, он не стал бы слушать. Поэтому то, что она стала профайлером, Таисе не особо помогло. Она просто сняла со стены массивную деревянную ключницу и обрушила на голову нападавшего.

При лучшем раскладе это оглушило бы его, обеспечило бы девушек возможностью убежать. Увы, в реальности злодеи не теряют сознание так же быстро, как в фильмах. Егор почувствовал удар, ему было больно, но отреагировал он правильно: отскочил в сторону, так, чтобы нападавший не оставался у него за спиной. Таиса знала, что пауза ей досталась небольшая, всего минута-другая до того момента, как убийца преодолеет головокружение и разглядит, кто бросил ему вызов. Она была повыше, чем его сестра, но массивному и рослому Егору все равно уступала. Причем уступала, даже если бы он был обычным человеком, а в его глазах еще и пылало безумие, от которого Таисе хотелось держаться подальше.

Именно это она и сделала своей целью. Таиса рывком подняла на ноги избитую, окровавленную девушку, и обе они бросились к лестнице, ведущей на второй этаж. Хотелось прорваться на улицу, к спасительной машине, но профайлер не сомневалась, что это ловушка. Егор такого и ожидал от них, он постарался стать между ними и дверью, пришлось действовать иначе.

Когда они миновали распростертое на полу тело, девушка пискнула:

– Папочка!

Она хотела задержаться, помочь тому, кому помочь нельзя, искать у него защиты – как она делала всю жизнь. Но Таиса не позволила ей погибнуть так глупо. Профайлер уже видела, что мужчина получил открытую черепно-мозговую травму, его глаза остались распахнутыми. Не нужно его дочери такое запоминать, ей и так непросто будет жить дальше... если она спасется сегодня.

Пока что это оставалось под вопросом. Они обе вбежали в первую попавшуюся спальню, которая оказалась прекрасно знакомой по видео. Именно там лежало тело первой жертвы, и на этот раз Таиса позволила своей спутнице броситься к кровати. Сама же профайлер пыталась понять, что делать дальше.

Соображать пришлось быстро, потому что пока ситуация складывалась паршиво. Замка на двери не было, и сама дверь открывалась наружу – хорошо для пожарной безопасности, плохо, если за тобой гонится обезумевший убийца! А он гнался, Таиса уже слышала в коридоре его шаги. Она и сама толком не поняла, как догадалась, что нужно делать... Просто очень жить хотелось.

Она вытащила из валяющегося у двери халата пояс, перевязала им ручку, другой конец закрепила на ближайшем шкафу. Придвинула к двери комод для надежности, чтобы хотя бы усложнить убийце путь. Где вообще эта полиция, когда она так нужна?! Таиса понимала, что последние события уместились в несколько минут, винить полицию особо не в чем. Но ей-то эти минуты вечностью показались!

Она едва закончила подготовку, как ручка дернулась, последовал рывок – Егору очень хотелось войти! Но импровизированная конструкция пока удержала, дверь лишь немного приоткрылась, и сквозь образовавшуюся щель ворвался даже не человеческий голос – звериный вой...

С ним не хотелось говорить. Хотелось, как его сестра, забиться в угол, рыдать, закрыв лицо окровавленными руками, надеяться, что кто-то придет и спасет... А Таиса на такое не имела права, раз уж назвалась той, кто приходит и спасает.

Почему-то в памяти мелькнул Матвей. Не потому, что он отчитывал ее перед началом этой безумной выходки – и снова оказался прав. Таисе просто казалось, что он идеально справляется всегда и со всем. Вот просто справляется и все, суперспособность такая. И когда ей пришлось заговорить с Егором, она невольно начала подражать ледяному тону Матвея.

– Егор, достаточно. Ты проиграл.

– Я не позволю! – прохрипел он, пытаясь просунуть руку в щель.

Если бы у него получилось, он вполне мог сорвать с ручки пояс, и тогда вряд ли комод задержал бы его надолго. Поэтому Таисе нужно было сделать все, чтобы он отступил сам.

– Не важно, что ты там позволишь, что нет, все уже закончилось. Твоя сестра знает, что ты ничтожество. Все игровое сообщество знает, что ты лжец. Им известно твое имя, маски больше нет. Тебя все ненавидят.

– Нет! Я среди лучших! Я в топ-десять за сентябрь!

– Ты никто, – отрезала Таиса. – И ты навсегда останешься никем. Не потому, что ты себя таким объявил, просто ты такой есть. Им смешно, Егор. Зайди в чат, проверь – все смеются над тобой.

Он замер, и она ожидала, что будет дальше. Егор мог пойти на прорыв, уничтожить хлипкую дверь в спальню – а мог и правда отвлечься на смартфон. Таиса даже дышать боялась. Секунды шли, и время казалось раскаленным песком, через который приходится пробиваться так мучительно медленно, а он окружает, тянет на дно...

Наконец по ту сторону двери вновь послышались шаги – Егор отступал. Полиция пока не приехала, Таиса знала, что он в доме, ничего по-настоящему не закончилось. Но со своей ролью она справилась сполна, она заставила его поверить ей.

Только теперь Таиса сообразила, что у нее дрожат ноги – от неожиданно накатившей слабости, так сильно отличающейся от ледяного тона, который она идеально изобразила. Но вот основная угроза миновала, Таиса позволила себе упасть на колени и все-таки заплакать.

* * *

Этот придурак еще и стрим додумался запустить – убийства в прямом эфире! Гарик от него такого не ожидал, Егор оказался даже более неадекватным, чем они предполагали. Теперь уже идея отправить к нему Таису не казалась удачной, но что сделано, то сделано. Гарику оставалось лишь справляться с последствиями, его автомобиль летел через ночной город, чтобы поскорее добраться до того самого адреса. Он не сомневался, что Матвей занят тем же, но Матвей слишком далеко, в его случае гонка через город – просто способ не поддаваться отчаянию, а вот у Гарика были все шансы многое изменить.

Он сразу же велел Юдзи убрать стрим из публичного просмотра, но сделать так, чтобы Егор не узнал об этом. Убийца по-прежнему верил, что за ним наблюдает грандиозное игровое сообщество. При этом за его подвигами следили лишь хакеры и профайлеры – предусмотрительно записывая все для полиции.

Стрим начался в момент, когда Таиса отбила у психа сестру. Гарик не видел, как это произошло, но не был удивлен тем, что она справилась. Он никогда не считал Таису слабой... да и Матвей не считал, он по другой причине ее оберегал, но это сейчас было не важно.

Похоже, Егора изначально разозлило то, что последнюю жертву увели прямо у него из-под носа. Это было не просто поражение, убийца не достиг своей главной цели, не «спас» всю свою семью от разочарования! Так что в прямом эфире он не просто выламывал дверь, за которой укрылись девушки, он еще и пытался оправдаться перед всем миром.

Таиса и теперь не поддавалась страху, Гарик прекрасно слышал, как она говорила с убийцей. Он бы и сам, может, так не смог! Если судить только по голосу, ее вообще не волновало, что к ней пробивается окровавленный псих, ее просто раздражало, что планы на вечер пришлось поменять. Матвей ведь тоже слушает, без вариантов... Интересно, у него хотя бы хватит совести гордиться ею?

Со своей задачей Таиса справилась: Егор все-таки отступил, оставив ее и сестру в покое. Дальше все зависело от Гарика.

Он уже слышал вой полицейских сирен, группа захвата все-таки добралась. Но они еще не приехали, зато звук уловил и Егор. Судя по стриму, этот полудурок готовился сделать глупость.

Когда до Егора дошло, что убить всех свидетелей его позора не получится, его ярость все-таки схлынула. Он забился на кухню, перевел камеру на себя и теперь в бледном свете смартфона пускал в кадр пузыри слюней... По крайней мере, Гарик видел это именно так и отказывался считать слезами раскаяния.

– Я не знаю, почему одним в жизни просто не везет... – всхлипывал в камеру Егор. – Я мечтал творить добро... Вы знаете, что я неплохой человек... Но я жалкий человек! Ничего, я буду наказан...

Вслушиваться в его бредни Гарик не собирался, ему достаточно было знать, что убийца застыл на месте и не двигается. Профайлер вошел в дом уверенно и сразу же направился на кухню, хотя больше всего хотелось лично убедиться, что Таиса в порядке. Ничего, она справится... она уже справилась.

Егор действительно был на кухне, сжался возле раковины на грязном полу. В одной руке он сжимал камеру, в которую откровенничал, в другой – нож. Правда, лезвие к шее еще не поднес, и это упрощало задачу Гарика.

Увидев постороннего, да еще не в полицейской форме, без оружия, Егор заметно растерялся.

– Ты кто? – спросил он.

– Так я этот, как его... – Гарик улыбнулся, неспешно подходя ближе. – Мы с тобой общались в чате, у меня еще кот такой на аватарке, ты помнишь?

Он говорил расслабленно, вовлекал убийцу в беседу. А Егор, которому на самом деле не хотелось умирать, был рад отсрочить момент своей казни. Это не значит, что он не сумел бы себя убить, еще как сумел бы! Но ему важно было перед смертью услышать, что он вовсе не подонок, он все сделал правильно.

– Я не... – начал отвечать он.

Но слушать его Гарик не собирался, смысл был лишь в том, чтобы убедить Егора: беседа возможна, и пока они говорят, ничего плохого не случится. Это дало профайлеру возможность приблизиться на нужное расстояние.

Он ударил быстро, без малейших сомнений. Обеими руками оперся о столешницу, поддерживая так свой вес, и получил возможность пнуть Егора обеими ногами. Первый удар пришелся в лицо, и это явно стоило убийце нескольких зубов, если не перелома челюсти. Когда же Егор, полностью дезориентированный повалился на пол, Гарик ударил еще и по руке, заставляя убийцу выпустить нож.

– Надеялся легко отделаться, гаденыш? – презрительно поинтересовался он. – Нажал кнопку и вышел из игры? Фиг там, будешь весь остаток своей жалкой жизни вспоминать о единственных людях, которые тебя любили!

Егор проскулил что-то в ответ, но выбитые зубы красноречиво не способствовали. Да и не интересно Гарика было, чем там себя убийцы оправдывают.

Он поднял с пола камеру и улыбнулся в объектив:

– Ну что, насладились шоу? Юдзи, ты мне должен. Всем остальным – играйте в игры и любите маму, ничего лучше вы со своей виртуальной жизнью все равно не сделаете. На этом, детишки, наш эфир окончен, а для моего коллеги Матвея, который прямо сейчас планирует мое смертоубийство, я заказываю песенку «Настоящий друг» и на строчке «Друг в беде не бросит» требую поставить мое фото. Всем спокойной ночи!

* * *

Стало легче.

Николай Форсов до последнего не верил, что получится. Он даже не размышлял, откуда взялся такой пессимизм, хотя догадаться было несложно – годы болезни изматывают. Он не говорил об этом, чтобы не расстраивать близких. От него все равно уже ничего не зависело с того момента, когда он доверил свою жизнь врачам. В последние секунды, когда он ждал действия наркоза, он пытался понять, что чувствует, и с удивлением обнаружил, что ничего. Собственная участь не слишком его волновала, он был готов к любому финалу.

Он все-таки проснулся – уже неплохо! Правда, мгновенного облегчения это не принесло. Он и не надеялся проскочить такую серьезную операцию легко, это ни в каком возрасте не получилось бы. Николай воспринял все со смирением, которое давно стало привычным. Он сам подобрал себе лекарства так, чтобы больше спать, чем бодрствовать, и не сохранять в памяти эти дни, наполненные слабостью и болью.

Настоящее облегчение наступило недели через две. Тогда Николай обнаружил, что ему больше не требуется серьезная доза обезболивающего, притупляющая мышление. И тогда же Вера сообщила ему то, что сама она знала с самого начала.

Ему пересадили две почки. Николай согласился на одну – и то после долгих сомнений. Он до последнего не мог решить, имеет ли немолодой человек право отнимать шанс на жизнь у того, кто только пришел в этот мир. Позже обстоятельства вынудили его принять предложение о трансплантации, и все же он утешал себя мыслью, что донор хотя бы не умрет и будет достойно вознагражден.

Он не уточнял, от одного донора взяли органы или нет, это и так было понятно. Он не спрашивал у Веры, почему она молчала – он заранее знал ответ. Жена изучила его лучше, чем кто бы то ни было, она знала, что он мог отказаться в последний момент и все сорвать. Она приняла решение за него.

Ему потребовалось некоторое время, чтобы смириться с этим, осознать то, что случилось. Николай понимал, что выглядит как усталый старик, затерявшийся где-то между подушек и одеял. Ему было все равно, он закрылся в своем теле, как в убежище, он размышлял, анализировал... и когда он принял решение, он не собирался тратить время на нытье и напрасные упреки. Он готов был жить дальше.

После месяца, проведенного в больнице, он отправился на реабилитацию. В тот период он и ощутил настоящее улучшение всей своей жизни. Дело было не только в том, что ему больше не приходилось зависеть от диализа. Он в целом чувствовал себя лучше, он больше не сталкивался с волнообразным ухудшением состояния перед процедурой очистки.

Вернулась легкость движений. Вернулась легкость мыслей. Николай чувствовал себя не просто здоровым – он чувствовал себя молодым, и плевать ему было, как при этом выглядело его тело.

Примерно два месяца ученики его щадили. Он разрешил им обращаться к нему по любому поводу, но пока шла подготовка к операции и в первые недели после пересадки они этого не делали. Они связывались с ним, только чтобы поинтересоваться его самочувствием. Николай ворчал, что старика совсем списали со счетов, однако даже такие сеансы связи были

для него очень важны. Они видели, что все трое живы, хорошо себя чувствуют, работают, и некоторое время этого хватало.

Уже в реабилитационном центре он начал осторожно возвращаться к работе. Он читал профильную литературу, написал пару статей. Ученики были на связи, однако задания им раздавала Вера. Ему, как и раньше, доставалась информация, прошедшая цензуру заботы о нем.

И вот теперь он понял, что готов вернуться в большую игру.

Естественно, просто взять и сделать это не получилось. Он знал, что его будут жалеть, и повлиять на это пока не мог. Однако он потребовал, чтобы его ученики предоставляли отчеты о том, чем заняты, ему лично, а не только Вере. С чего-то же нужно начинать!

И вот теперь он читал их рассказы о деле Егора Ропшина и про себя благодарил дурное везение, которое все-таки уберегло этих сумасбродов от непоправимого.

Жена по-прежнему была рядом с ним. Его жилье в реабилитационном центре не напоминало больничную палату – скорее, уютную квартиру со спальней, гостиной и кухней. Куда меньше, чем его загородный дом, но Николая все устраивало. Ему нравилось проводить вечера в гостиной у камина, живой огонь успокаивал и помогал сосредоточиться. Правда, иногда огня недостаточно...

– Ты видела, что творят? – возмущался Николай. – Ни на минуту их оставить нельзя, они тут же пытаются убиться о неконтролируемого социопата!

Вера тоже читала отчеты. Раньше она этого не делала, она старалась держаться подальше от его работы. Но сейчас жена понимала, как важно ему обсудить это с кем-то, и не жалела себя.

– Коля, они справляются, – мягко улыбнулась она. – Гарик, вон, вообще написал, что все было легко и хорошо!

– Да? Я тебе сейчас процитирую! «Оказалось, что я выбил ему пять с половиной зубов и открюкал кусочек языка. Все закончилось хорошо!» Открюкал он! Шутит о массовом убийце!

– Ты прекрасно знаешь, что у Гарика такой защитный механизм. Это была сложная история, очень опасная, уникальная, но та девочка жива только благодаря им. Или ты считаешь иначе?

Хотелось спорить, а не получалось. Николай прекрасно знал, что такие убийцы, как Егор Ропшин, опасны в первую очередь тем, что совершают несколько непредсказуемых преступлений в короткий промежуток времени. Потом их неизменно ловят или нейтрализуют, но разве это возвращает к жизни их жертв?

Так что – да, та девушка погибла бы, если бы Таиса не рискнула собой. Но от этого легче не становилось.

Таиса, надо сказать, перенесла это испытание очень хорошо. Не только потому, что смогла отбиться, ее достижение было еще и в том, что в отчете она честно созналась во всем – включая нервный срыв, который последовал после тех событий. Она осознавала свою уязвимость и быстро находила пути исцеления. За это Николай вынужден был ее похвалить – но только мысленно, про себя, иначе поведется с маньяками на кулаках драться!

Гарик... остается собой. В принципе, его стремление из всего сделать шутку не совсем нормально. Однако Николай перечитал его отчет несколько раз и пришел к выводу, что серьезных проблем пока не намечается. Даже сквозь иронию можно было понять: Гарик сожалеет о своем решении втянуть в это Таису, да и в случае с Егором он поступил правильно.

Больше всего, как ни странно, эта ситуация ударила по Матвею – который добрался на место преступления последним и благодаря которому удалось найти адрес. Его отчет был кратким и сухим, но Николай слишком хорошо знал его, чтобы обмануться.

Да и Вера о многом догадалась:

– Насколько мне известно, Матвей до сих пор не разговаривает ни с Гариком, ни с Таисой. Лучше удели время этому.

– Лучше бы им разобраться самим, – проворчал Форсов.

– О, они разберутся, ты же знаешь! Гарик предложит драку, получит отказ и будет делать вид, что ничего не произошло, пока все вокруг в это не поверят. Таиса очень скоро начнет ластиться, как нашкодившая кошка, и тоже добьется своего. У них есть типичный стиль поведения. Но я беспокоюсь не за их взаимоотношения, а за самого Матвея.

– Нет смысла на этот раз беспокоиться, ты прекрасно знаешь, в чем дело.

– Знаю, – с улыбкой кивнула Вера. – И знаю, что для него как раз это непросто. Поговори с ним.

– Да, пожалуй, ты права... Я назначу видеочат, ему не помешает супервизия.

– Личная встреча была бы лучше... Ты не думал о возвращении?

Что ж, вот и настал момент для этого разговора... А жаль. Николай не зря откладывал беседу о возвращении домой до последнего.

Вере наверняка казалось, что все будет если не просто, то хотя бы понятно. Операция, лечение, реабилитация – что же еще? Николай не хотел раньше срока сообщать ей, что есть и другая цель. Если бы он погиб во время пересадки почек, цель стала бы не важна. Но теперь, когда он все крепче стоял на ногах, можно было перейти к делу.

– Я думал о возвращении, – кивнул Николай. – И мы с тобой поедem домой, обещаю. Однако прежде мне нужно кое-что завершить.

Он предполагал, что объясняться придется дольше, они ведь раньше не касались этой темы! Но Вера в очередной раз его удивила: она сама разобралась, что к чему. Жена лишь окинула его тяжелым взглядом:

– Это ведь из-за него, да?

И тут уже Николай мог бы переспросить, кого именно она имеет в виду, но не стал. Он знал, что они сейчас думают об одном человеке.

– Да. Это из-за него. Мне жаль, но так нужно.

– Что мне сделать, чтобы тебя переубедить?

– Ничего, – покачал головой Николай. – Потому что это не каприз с моей стороны. Я делаю то, что должно быть сделано, а не то, что хочу.

– Так уж и должно? И именно тобой?

Он не выдержал, поднялся с кресла и подошел к жене, чтобы обнять. Но ответил Николай все равно твердо:

– Да. Это должно быть сделано именно мной – иначе погибнет еще много людей, и смерти их останутся на моей совести.

Глава 3

Соляная комната оказалась удачной идеей. Медитировать Матвей мог где угодно – научился уже. Но здесь, среди мягкого мерцания кристаллов, среди едва уловимого запаха моря, которое осталось где-то далеко, сосредоточиться на собственных мыслях все равно было легче. В полумраке ему казалось, что он шагнул за пределы реальности и времени, взял паузу, благодаря которой можно разобраться в себе. А когда он будет готов, он вернется к привычному ритму – и все пойдет как раньше.

Сейчас ему как раз требовалась такая пауза: очень уж ему не понравилось то, как прошла поимка Егора Ропшина. Успех в этом деле Матвей принял равнодушно, его куда больше волновали неудачи. Первой из них стала смерть отца... Да, предотвратить ее было почти нереально, они слишком поздно узнали о деле. Но если бы хакеры связались с Гариком раньше, если бы Матвей получил необходимые данные хотя бы за час до того, как тот человек добрался до дома, все закончилось бы иначе. Час – это почти ничто, сущая мелочь, но иногда его цена взлетает и сравнивается с человеческой жизнью.

Второй неудачей было то, что они не успели заранее предупредить сестру. Матвей уже знал, почему: девушка недавно получила права, неуверенно чувствовала себя за рулем и, чтобы не отвлекаться, убирала смартфон в рюкзак на время всей поездки. Она попросту не знала обо всех отчаянных предупреждениях, которыми забросали устройство хакеры. Да, она все равно выжила, так что ошибка не стала критичной. Однако ситуация могла сложиться и лучше, для Матвея это имело огромное значение.

Ну и конечно, была третья неудача – участь Таисы. Сама Таиса и Гарик считали, что ничего особенного в этой участи не было, все закончилось хорошо. Матвей даже не собирался с ними спорить, он сосредоточился на собственном отношении к делу. Пока ему, как он ни старался, не удавалось погасить бессильную злость. Он знал обо всем, что происходит, он следил за тем проклятым прямым эфиром – и ничего не мог изменить! Он давно уже не чувствовал себя таким беспомощным.

А хуже всего то, что история благополучно завершилась, Таиса успокоилась, Гарик изначально не напрягался, и только Матвей никак не мог отпустить ситуацию. Это было плохо само по себе – и подталкивало к очень неприятным выводам насчет его психоэмоционального состояния. Тем выводам, изучать которые он был не готов.

Поэтому сам он новые задания пока не брал, он взял несколько дней паузы, которые посвятил работе над ошибками и медитации. Ну и конечно, он исключил всякое общение с другими учениками Николая Форсова. Сам Форсов предлагал ему консультацию по видеосвязи, однако Матвей сразу отказался. Старший профайлер настаивать не стал: они оба понимали, что никакой чат не заменит реальное общение, а только оно и могло повлиять на ситуацию.

Впрочем, постепенно Матвей справлялся сам, хотя бы это успокаивало. Он не безнадёжен, раз способен без консультаций восстановить полноценное внутреннее равновесие! Ну а те проблемы, от которых он пока просто отвернулся... Возможно, они исчезнут сами. А если нет, он все равно разберется с ними, когда накопит сил, так или иначе.

Он ведь всегда справляется.

Соляную комнату Матвей покидал если не отдохнувшим, то вполне спокойным. Из подвала, где располагались тренажерный зал и два помещения для медитации, он поднялся наверх и сразу же проверил смартфон. На сеансы он с собой никакие средства связи не брал, это лишало погружение в себя всякого смысла.

Конечно же, пустым экран не был, но такого давно не случалось. Несколько сообщений от Гарика можно проигнорировать, там не будет ничего, кроме попытки решить конфликт упрямством. От Таисы сообщений нет, но это, опять же, типично: она будет выжидать момента,

когда Матвей сам делает вид, что ничего не случилось. Письмо от следователя с просьбой уточнить некоторые моменты отчета. И два вызова с неизвестного номера.

Перезванивать Матвей не собирался. Неизвестные номера он не любил, о новых клиентах его обычно предупреждали, а если он кому-то очень уж нужен, с ним свяжутся и так. К тому же перерыв между первыми звонками составил полчаса. После второго звонка прошло двадцать три минуты. Люди обычно выдерживают одинаковые паузы или сокращают их периодами, кратными пяти. Так что очень скоро станет ясно, насколько обладатель этого номера хочет пообщаться с Матвеем.

Третий звонок поступил через две минуты – дело пошло к сокращению промежутка, получается, звонящий нервничает. Для Матвея это ничего не значило, и все же он предпочел ответить, чтобы побыстрее со всем разобраться.

– Слушаю.

– Матвей, если не ошибаюсь? Здравствуйте. Это Елена...

Имя как таковое ничего ему не говорило, а вот голос он легко узнал. Ему звонила женщина, которой он недавно помог с расследованием убийства на кемпинговой площадке. Правда, дело там было несложное и завершенное, Матвей уже знал, что по убийству собрали достаточно доказательств, чтобы ни в чем не сомневаться. Да и следовательнице он не понравился – и как профайлер, и как человек, такое заметить несложно. В тот день Елена наверняка радовалась тому, что им никогда больше не придется общаться.

А теперь позвонила сама.

Матвей сразу определил, что не начальство вынудило ее связаться с ним. Елена далеко не глупа, но эмоциональна, поэтому прочитать ее несложно. Если бы ее заставили позвонить, она набрала бы его номер один раз, не получила ответа и на этом считала бы свой долг выполненным. Если бы ей удалось дозвониться сразу, она разговаривала бы с Матвеем надменно, не скрывая свою неприязнь.

Но она приняла решение позвонить сама, поэтому дозванивалась так упорно, и теперь ее голос звучал чуть смущенно, хотя и не заискивающе. Это интриговало – не сильно, но достаточно, чтобы Матвей продолжил разговор.

– Здравствуйте, Елена. Чем могу помочь?

– Вы меня помните? – удивилась следовательница.

– Разумеется. После нашей встречи прошло не так много времени, а я не страдаю провалами в памяти.

– Да, я... В смысле... В общем, дело вот в чем: я не очень представляю, как и в каких случаях мы нанимаем консультантов. В прошлый раз вас пригласила не я... Я обратилась к начальству, спросила, можно ли вызвать вас снова. Мне разрешили, вы не подумайте, все официально! Но мне не хотелось, чтобы вам передавали мою просьбу, я решила, что честнее будет поговорить с вами напрямую. Вот откуда у меня ваш телефон...

Матвей терпеливо выслушал ее, отметив про себя, что многословность – еще один верный признак волнения. Так бывает, когда тебе нужна услуга от человека, который тебе откровенно неприятен.

– Так чем я могу вам помочь? – поторопил ее профайлер.

– По телефону и не объяснишь... Если кратко, я сейчас расследую убийство. Оно... очень странное. Дело пошло и застопорилось. А там, в том лесу... Вы очень быстро разобрались, что к чему. Может быть, вы что-нибудь подскажете и в этот раз?

– Может быть. Угадать я не могу, мне требуется больше данных.

– Вы не могли бы приехать и взглянуть на... хм... труп? Мне было бы проще объяснить вам на месте.

– Диктуйте адрес.

Матвей не планировал брать новые задания в ближайшие дни, однако не нашел причин отказать. После медитации он чувствовал себя неплохо, сейчас даже к лучшему вернуться к работе, а не скатываться в пучину сомнительных размышлений.

Он не сомневался, что дело действительно запутанное. Начать хотя бы с того, что Елена подсознательно сделала паузу, прежде чем назвать труп трупом. Это не из-за сентиментальности – следовательнице не меньше сорока лет, у нее достаточно высокое звание, она работает давно и не только в кабинете. Она видела всякое, и чтобы ее смутить, требовалось нечто очень уж необычное. Так что съездить и посмотреть следовало хотя бы ради удовлетворения любопытства.

Что же до оплаты и официального оформления Матвея в роли консультанта, этим наверняка скоро займутся. Пока не было Форсова, такие вопросы брала на себя Вера. Матвея же бюрократические моменты вгоняли в скуку, а в деньгах он давно не нуждался.

До места встречи он добрался меньше чем за час, Елене повезло, что она застала его дома. И все равно следовательница встречала его на улице, причем к моменту его приезда она успела замерзнуть. Вряд ли ее настолько сильно удручало вынужденное сотрудничество с ним, похоже, дело и правда оказалось таким, к которому она была просто не готова.

Матвей ни о чем не спрашивал, пока они шли к телу, знал, что это бесполезно. А когда Елена наконец показала ему жертву, многое стало на свои места.

Начать хотя бы с того, что тела как такового не было. Полиция получила только голову – а точнее, череп. Матвей не был экспертом, однако его знаний хватало, чтобы определить: кости очистились не естественным путем, голова прошла специальную обработку, освободившую череп ото всех тканей.

Однако в процессе этой обработки или в другой момент, пока сказать сложно, череп был раздроблен. Кому-то пришлось восстановить его из нескольких десятков осколков. И даже их удалось найти не все, кое-где зияли дыры. Но лицевую часть склеили полностью, это давало хоть какую-то надежду на опознание.

– Вот теперь можно давать пояснения, – позволил Матвей, внимательно изучая череп.

– Эту голову нашли в модульном доме... Вы знаете, что такое модульный дом?

– Знаю. Продолжайте.

– Здание принадлежит молодой семье, для них же и строилось. Они заказали этот дом меньше двух лет назад, жили там, когда погода позволяла. О том, что находится в стене, они даже не догадывались, пока не взяли из приюта служебную собаку, старую и слепую, отправленную в отставку.

– На убой, – уточнил Матвей.

– Ну... не совсем. Таких животных отправляют в приют, а усыпляют, только если не удастся найти новых хозяев. Эту собаку взяли в семью, и на даче она постоянно волновалась именно возле этой стены. Хозяева решили, что ее беспокоят мыши, и убрали доски, чтобы проверить. Внутри был обнаружен этот череп – в виде осколков, как вы уже догадались.

– Да, догадаться было несложно. Что говорят эксперты?

– Тайник как таковой в стене не устраивали, – ответила Елена. – Эксперты считают, что череп попал в базальтовый утеплитель на этапе его изготовления и в таком виде был помещен в плиту. Этим процессом занимаются машины, люди вполне могли упустить произошедшее. Мы рассматриваем несколько вариантов, не только убийство, несчастный случай тоже...

– Это не несчастный случай.

– Это может быть он, – настаивала следовательница. – При изготовлении такого утеплителя используются высокие температуры, тело могло обгореть до костей...

– Уже очевидно, что нет, – невозмутимо прервал Матвей. – Не хочу показаться невежливым, просто не вижу смысла тратить время на заведомо ошибочную версию.

По костям было видно, что они не горели. Если бы какой-то несчастный рабочий упал в печь, ткани пригорели бы к черепу, но не исчезли без следа. А то, что видел Матвей, куда больше напоминало результат грамотной химической очистки.

Да и потом, оставалось непонятным, как именно голову отделили от тела – оторвали или отрубили. Шейные позвонки не сохранились, так что возможности определить не было.

– Жертву опознали? – уточнил профайлер. – Кости восстановили достаточно хорошо для определения прижизненной внешности.

– Наши специалисты работают над этим, – кивнула Елена. – Сначала они восстановят лицо, потом сверят с нашей базой данных. Если об этом человеке есть хоть какие-то сведения, мы получим имя.

А еще сведений может не быть, об этом Елена говорить не стала, но ведь и так понятно! Возможно, мертвеца никто не искал, бывает и такое. Но здесь, опять же, от профайлера ничего не зависело, он позволил экспертам заниматься своим делом.

– Что с оставшимся телом? – поинтересовался Матвей.

– Ищут, но пока без вариантов. Дом, в котором нашли голову, полностью проверили, ни в одном другом модуле нет ни намека на кости. Будем отслеживать путь до изготовителя.

– Семью проверили?

– Конечно, и за ними будут наблюдать, но... Я беседовала с обоими, там молодая пара. Они подавлены и напуганы. Не похоже, что они подозревали об этом...

Матвей с выводами не спешил, но допускал, что Елена права. Те люди действительно могли не знать – и год, и два, и три, и сколько угодно. Кости не пахнут, никаких следов крови в утеплителе не нашли. Они жили бы с черепом в стене и дальше, если бы в их доме случайно не оказалась служебная собака.

Так что простых решений тут не будет. Но Матвей уже чувствовал: это не несчастный случай.

– Наша единственная зацепка – это изготовитель модульных домов, – сказала Елена. – Компания не большая, но и не маленькая, есть собственное производство, работают «под ключ». Пока они заявляют, что плиту подменили при перевозке, это какая-то диверсия, они тут ни при чем. Я хотела бы попросить вас присутствовать на допросе. У этих людей была возможность – но нет мотива! Да и потом... Там, на производстве, есть печь, способная обеспечить огромную температуру.

– Достаточную, чтобы уничтожить этот череп до неопознаваемости.

– Именно так! А если у них был такой ресурс, зачем засовывать этот череп в плиту – с пусть и небольшим, но риском обнаружения? Тут ничего не сходится...

Матвей лишь кивнул. Он и сам понимал, что хозяева строительной фирмы стали главными подозреваемыми только потому, что других подозреваемых нет. Возможно, если подтвердится, что плиту никто не подкидывал, это их разработка, их удастся привлечь к ответственности. Но смысл-то не в том, чтобы наказать хоть кого-то! Нужно найти виновного, и сейчас все выглядело так, будто кто-то пытается подставить строительную фирму...

Пока Матвей размышлял об этом, телефон Елены издал мелодичную трель. Следовательница достала гаджет, пару раз щелкнула по экрану – и просто застыла. Она еще ничего не сказала, не издала ни звука, а Матвей уже мог сказать: ее что-то шокировало. Это была не рядовая информация, а данные, которые меняют очень многое.

В нынешней ситуации догадка появилась сама собой.

– Жертву удалось опознать? – Матвей кивнул на череп.

– Да... Да, этот человек был в нашей базе...

Личность жертвы должна была упростить ситуацию, помочь им хоть как-то разобраться с мотивом. Но по изумленному лицу Елены можно было догадаться: стало только сложнее.

– Кто он такой? – спросил профайлер. Чтобы освободиться от хватки шока, Елене требовалось произнести то, что ей казалось невероятным, вслух, только так она могла двинуться дальше.

Она тоже поняла это, ответила быстро:

– Точно не тот, кого можно ожидать! Этот человек – иностранец, а еще... Еще он военный преступник.

* * *

Матвей опять ушел в себя и просил не беспокоить. Это уже стало привычным, и Таиса особо не настаивала. Она на этот раз даже не разбиралась, что там у него случилось – то ли сложности со своим заданием, то ли бесится, что Гарик его не послушал и привлек ее к делу. Хотя это глупо... Таиса прекрасно знала, что он ее недолюбливает и считает если не лишней в их команде, то точно не дотягивающей до уровня старших учеников. Но разве есть смысл ворчать, если она справилась?

Решив, что умом Матвея все равно не понять, Таиса сосредоточилась на собственном деле. Она больше не подкарауливала Паулину в фитнес-клубе, она добыла у Юлии Лазаревой подробный график ее подруги и теперь наблюдала за тем, как проходит обычный день модели.

День, надо сказать, проходил неплохо и вполне предсказуемо. У Паулины наверняка хватало денег на прислугу, однако она предпочитала лично отвозить дочь в школу, и чувствовалось, что они с ребенком очень близки. После этого модель посвящала время собственным делам: тренировалась в фитнес-клубе, встречалась в кафе то с одним человеком, то с другим, заскочила в свою квартиру, ездила на примерку каких-то нарядов в элитном бутике, несколько часов провела на съемке.

А еще она встретилась со своим женихом, и это оказалось неожиданной удачей для Таисы. Именно Дмитрия Волкова подруги Паулины считали основной – да и единственной – причиной ее проблем, так что понаблюдать за их общением было для профайлера бесценно.

Быстрых ответов это везение не принесло. Не похоже, что Паулина боялась Волкова, однако она и не расслаблялась рядом с ним. В компании своего предполагаемого защитника она оставалась такой же напряженной, как в одиночестве. Сам Волков этого не замечал, общались они вполне бодро, Паулина поцеловала его, прежде чем они разошлись в разные стороны.

Тут Таисе и пришлось делать выбор – причем быстро. Она могла бы понаблюдать за Паулиной еще день-другой, но подозревала, что результат будет примерно таким же. По-настоящему счастлива и спокойна модель была только рядом со своей маленькой дочерью, остальной мир такую же радость ей не внушал. У Таисы были все основания считать дело завершенным, но она так не могла.

Она решила, что прятаться по кустам и дальше нет смысла. Таиса дождалась, когда модель останется на подземном паркинге одна, и подошла к ней открыто.

– Паулина, подождите! Я могу с вами поговорить?

Что ж, начало получилось не самое приятное: модель, не ожидавшая ничего подобного, шарахнулась в сторону, ударилась о соседний автомобиль, да еще и ключи уронила, так, что пластиковый пульт разлетелся на две части, основную и заднюю крышку.

Многие могли испугаться, услышав голос в момент, когда считали, что они в помещении одни. Но Паулина ведь была не на своей территории, она находилась в общественном месте! Да и отреагировала она слишком бурно: с ней заговорили не громко, без агрессии, а у нее, вон, до сих пор руки колотятся! Тут и психологом быть не нужно, чтобы понять: у модели большие проблемы.

Сообразив, кто оказался рядом с ней, Паулина улыбнулась – растерянно и, как показалось Таисе, облегченно. Любопытно... Получается, серьезно напугать ее мог даже женский голос, хотя обычно женщины спокойней относятся к представительницам своего пола.

– Вы та девушка из клуба? – уточнила модель. – Простите, я вас не заметила...

Таиса наклонилась, ловко подцепила отлетевшую подальше крышку от пульта и протянула Паулине.

– Мне и самой не следовало так подкрадываться. В мою защиту – я не пыталась подкрасться. Я уже второй раз доставляю вам неприятности, так что извиняться должна я. Мы можем поговорить?

– Вы все еще считаете, что должны мне чашку кофе? Да ну, совсем нет!

– Не поэтому, хотя угостить хорошего человека кофе всегда приятно. Паулина, буду с вами честна: я тут оказалась не случайно. Я за вами следила.

Таисе не первый раз доводилось действовать вот так: напрямую, на грани агрессивной наглости. Она прекрасно знала, что Матвей не одобряет такой подход. Ну и пускай, она взрослый человек, профессионал, и может сама выбирать стратегию поведения!

При чем тут вообще Матвей?..

Таиса поморщилась, отгоняя лишние мысли, и заставила себя сосредоточиться на беседе с Паулиной. А это было важно, потому что модель снова отреагировала не совсем адекватно. Что сделал бы обычный психически стабильный человек? Удивился бы – или разозлился. Но модель заметно побледнела, и ее повело так, что ей пришлось опереться на автомобиль, чтобы устоять на ногах.

Таиса протянула к ней руку, чтобы поддержать, однако Паулина шарахнулась от нее, как от ядовитой змеи.

– Не трогайте меня!

– Спокойней, пожалуйста, – примирительно улыбнулась Таиса, отступая на шаг. – Вы, наверно, не так меня поняли. Я не сталкер и не безумная фанатка. Я психолог, ко мне обратились ваши подруги. Они беспокоятся за вас.

Паулина чуть расслабилась, но на собеседницу она по-прежнему смотрела с недоверием, а вот в голосе мелькнула легко распознаваемая горечь.

– «Подруги»? Да перестаньте, я прекрасно знаю, что не все таким занимаются. Это ведь Юля, да? Вполне в ее духе.

– Не так важно, кто это. Важно, что этот человек прав. В вашей жизни действительно происходит что-то очень нехорошее, и я хочу вам помочь.

– Сколько? – мрачно спросила Паулина.

– Сколько – что?

– Сколько вы хотите за свою помощь? Я не осуждаю, я понимаю, что жизнь складывается по-разному, и каждый зарабатывает как может. Но давайте я заплачу вам эти деньги прямо сейчас, и вы оставите меня в покое. Заодно Юле скажите, чтобы сосредоточилась на своей жизни и поменьше лезла в мою.

– Дело не во мне и не в Юле, – покачала головой Таиса. – Когда я соглашалась на это дело, я не знала, чего ожидать. Но теперь я вижу: вас что-то гнетет. Я не требую никаких денег, я готова помочь вам совершенно бесплатно.

– Хотите сказать, что и Юлину просьбу вы выполняете по доброте душевной?

– Я ни разу не сказала, что меня наняла Юля. Но кто бы это ни сделал, человек этот заплатил авансом, а я свою работу выполнила. Меня просили узнать, не подсели ли вы на какие-нибудь запрещенные вещества. Я вижу: нет, такой проблемы у вас нет.

– Если вы и правда такой крутой психолог, разве вы не должны определить, какая же проблема у меня есть?

– Я психолог, а не гадалка и тем более не волшебница. Мне нужно узнать вашу точку зрения, выяснить все подробности. Я не хочу за вами следить, это некрасиво, да и данные обеспечивает сомнительные. Вы знаете, что вам нужна помощь, Паулина. И я вам ее предлагаю просто так.

Паулина сомневалась, Таиса видела это. С одной стороны, модель действительно привыкла к тому, что все хотят от нее денег или помощи. С другой, ей приходилось нелегко, она явно не справлялась. И Таисе, несмотря на обвинения в вымогательстве, было жаль ее. Паулина не относилась к тем самовлюбленным звездам социальных сетей, которые на всех смотрят как на грязь. Она была искренне милой, ей хотелось помочь...

Только вот Паулина этого не допустила. Таиса прочитала ее решение по изменившемуся выражению лица еще до того, как прозвучали слова.

– Вам лучше уйти, – заявила Паулина. – Я не знаю, что вы там вообразили, что возмнили, но вы мне мешаете. Давайте разойдемся сейчас, пока мне не пришлось вызывать охрану или полицию.

Таиса лишь тяжело вздохнула, достала из кармана визитку и протянула модели.

– Я понимаю ваше недоверие. Но если вдруг передумаете, связаться со мной можно по этому номеру.

Паулина взяла у нее карточку – и демонстративно швырнула в ближайший канализационный сток. Впрочем, даже сейчас она напоминала скорее упрямого ребенка, чем самовлюбленную стерву.

– Я со своей жизнью разберусь сама! – твердо произнесла она. – А вас я надеюсь больше никогда не видеть!

Спорить и дальше не было смысла, Таисе оставалось лишь уйти. Позвонить Юле, отчитаться и вроде как забыть про эту историю...

Но чувство незавершенности все равно осталось.

* * *

Гарик признавал: если рассматривать Алексея Черкунова отвлеченно, без связи с недавними событиями, персонаж получится скорее трагический. Сейчас это ничего уже не меняло, но отметить такое все равно стоило.

Когда Алексей только родился, казалось, что ему сказочно повезло. Тридцать лет назад его родители были очень богаты: отец был одним из совладельцев рынка, мать, работой совсем не интересовавшаяся, умело пускала его деньги на красивую жизнь и частые вечеринки. Они уже растили маленькую дочь и с радостью восприняли прибытие в этот мир наследника.

Счастье было пусть и бурным, но недолгим. О том, что Черкунов-старший – человек достаточно жестокий, говорили уже давно. Он мог без сомнений ударить кого-то из работников рынка, а те, в страхе быть изгнанными с более-менее прибыльного места, принимали это как должное. Ходили слухи, что он поколачивает и жену, но тут ничего доказать не удалось. Черкунов жил так много лет и свыкся с мыслью, что ему дозволено все.

Продолжалось это ровно до того дня, когда в его кабинете нашли избитую до смерти четырнадцатилетнюю девочку. Гарику так и не удалось найти точной информации о том, кем она была и как попала на территорию Черкунова. Кто-то писал, что она подрабатывала проституткой, кто-то – что была воровкой, которую бизнесмен поймал на месте преступления. В любом случае, судьба ее сложилась незавидно: она чем-то разозлила Черкунова, и он привычно не сдержался.

Кто-то другой сумел бы избавиться от тела, денег для этого хватало. Но Черкунов оказался из тех людей, которые в стрессовых ситуациях впадают в ступор. Помощник застал его

сидящим над окровавленным телом и немедленно вызвал полицию, которая в ту пору еще звалась милицией.

Черкунова посадили, а вскоре и убили прямо в тюремной камере. Впрочем, его жена не дождалась ни официального вдовства, ни даже решения суда. Женщина, недавно позировавшая на семейных фото рядом с Черкуновым, быстренько открестилась от него. Для той, кто не проработал в своей жизни ни дня, она оказалась на удивление предприимчивой: она опустошила все счета, до каких могла дотянуться, сгребла в охапку дочь и сбежала из страны. Найти ее так и не удалось: с такими деньгами не слишком сложно начать новую жизнь.

Ну а маленький Алеша остался... просто остался. Следователи, прибывшие для допроса Черкуновой, обнаружили пустой дом и рыдающего в углу трехлетнего мальчика. Нельзя сказать, что матери пришлось бросить сына, потому что у нее не было другого выхода. Нет, у Черкуновой не нашлось никаких причин взять с собой одного ребенка и оставить другого, кроме того, что ей хотелось. Очевидно, сын ей просто не нравился, и она решила сделать вид, что она всегда была просто мамой дочки.

Отец ничего не мог сделать для сына, Алеша рисковал отправиться в детский дом, если бы о нем не вспомнили дальние родственники. Не потому, что он был так уж дорог им: Черкуновы с родней не общались. Просто к Алеше прилагался приятный бонус в виде всего имущества, которое его мать не могла утащить с собой, а продать не успела.

Так что он воспитывался в семье, но, судя по тому, что видел Гарик, счастливым его детство так и не стало. Сам Алексей никогда ни на что не жаловался. За него печальную историю рассказывали протоколы вызова соседями милиции и медицинские справки, подробно распишавшие травмы, с которыми мальчика привозили в больницу.

Алексей кое-как продержался с родней до совершеннолетия, а потом взял свое. Он через суд добился права управлять всеми своими финансами и переехал в родительский дом. Что же до воспитывавшей его семьи, из пяти ее членов двое погибли в результате несчастных случаев, еще трое пропали без вести. Но все это произошло в течение нескольких лет после того, как Алексей Черкунов перестал общаться с родней, так что к нему вопросов не было.

Рынок его отца к тому времени окончательно развалился, но кое-какой начальный капитал Алексею получить удалось. Официально он начал зарабатывать сдачей в аренду торговых помещений. При этом его доход оказался поразительно высоким для такого нехитрого бизнеса. Черкунова всегда окружали слухи о том, что он лично изготавливает и продает кое-что запрещенное во всех странах мира. Впрочем, за руку его никто не ловил, поэтому он продолжал свободную и вполне обеспеченную жизнь.

Его никогда не связывали ни с проституцией, ни с похищением людей, ни с убийствами. Он был преступником – но преступником другого уровня. Тем не менее, именно его Филипп Залецкий обвинил в жестоком убийстве молодой женщины, его сожительницы.

После дополнительного допроса, который рекомендовал Гарик, оказалось, что Залецкий не просто рядом с трупом постоял, как утверждал изначально. Его участие в этой истории оказалось более деятельным: он помог, как было отражено в протоколе, «разделить тело по нескольким контейнерам». Вот только Филипп не знал, что случилось с этими контейнерами дальше, и тут он не врал.

Информации из открытых источников обычно недостаточно, чтобы создать достоверный психологический портрет, но кое-какое представление об убийце Гарик получил. Похоже, Черкунову достался эмоциональный и взрывной характер отца. Однако острый ум помог этот характер обуздать, Алексей не отличался праведными стремлениями, он просто не попадался. Все указывало на то, что человеческая жизнь как таковая для него – не ценность. Однако он знает, что за ее уничтожение можно попасть в тюрьму, а туда ему не хочется, ему и отцовского опыта хватит.

И вот этот человек позволил туповатому телохранителю узнать о своих грехах? А потом еще и отпустил Филиппа как ни в чем не бывало? Доверил свою свободу честному слову полудурка? Нет, такая версия Гарику совсем не нравилась.

Он как раз размышлял о том, что произошло на самом деле, когда ему позвонил следователь.

– Похоже, вот этот ваш психологический профиль на сей раз не понадобится! – с непонятым торжеством объявил он. – Есть разрешение на обыск!

– Какой еще обыск, с чего вдруг? – насторожился Гарик.

– Оказалось, что рядом с Черкуновым пропало уже немало народа. Его конкуренты по бизнесу, женщины, даже родственники – прям не человек, а Бермудский треугольник! Просто раньше не было оснований связывать эти исчезновения с ним. Не буду говорить, что он кому-то из наших приплачивал, не люблю такое. Но факт в том, что его не трогали, не проверяли даже. Зато сейчас к нему присмотрелись, и выяснилось, что он попутно еще и бурную фермерскую деятельность ведет!

– В смысле?

– Ему от родителей достался не просто дом, а дом с большим участком. Очень большим! И у него там огород, озеро, ров для полива из этого озера, а главное, несколько компостных ям. Слишком крупных, чтобы обслуживать такое хозяйство! И он туда часто ездит, соседи видели его машину. Понимаете? Он в другую часть своего участка не ходит, как было бы удобно, а ездит по кругу, зато на машине! Когда такое нужно? Да только когда мертвые тела требуется перевезти!

– Выглядит так, будто это для тел, – уточнил Гарик. – Но не слишком ли все демонстративно? Он мог ездить ночью, когда соседи спят.

– Так он ездил и днем, и ночью, его в разное время видели! Все сходится: он приказал разделить тело девушки и упаковать в контейнеры, чтобы ее удобнее было самостоятельно грузить в багажник, не оставив при этом следов крови. Про это как слышали наверху... В общем, сегодня обыск состоится.

– Не надо.

– Что? – растерялся следователь.

– Не надо проводить обыск, – пояснил Гарик. – Этим вы только порадуете ублюдка.

– Что? Нет, конечно! Ему предлагали добровольно пустить полицию на свою территорию, он отказался! Он надеялся укрыться за отсутствием улик, грамотный очень... Он ведь не ожидал, что у нас будут показания Залецкого!

– Ожидал, – возразил профайлер. – Именно поэтому Залецкий продолжил скакать на машине по проституткам, а не упокоился с миром в выгребной яме. Его отпустили на волю с расчетом на то, что рано или поздно он начнет трюндеть. Он должен был подманить вас к дому Черкунова!

– Вам что, очень хочется показать, что вы умнее других?

– Да при чем тут я? До меня вам вообще не должно быть дела, думайте о Черкунове! Он неглупый мужик, он явно все предусмотрел.

– Зачем ему это? Зачем устраивать обыск в своем доме? Его же подозревают в торговле наркотой!

– Наркоту вы там точно не найдете.

– Вы так и не сказали, зачем! – настаивал следователь.

– Я пока не знаю. Дайте мне больше времени, я все проверю, я выясню, чего он хочет!

Но не подыгрывайте ему, я вас прошу.

– Не надо ничего выяснять, обыск состоится. Спасибо за ваше содействие!

Хотелось перезвонить, но Гарик сдержался. Если кое у кого мозги не запустились сразу, то запускать вручную бесполезно. Профайлеру оставалось лишь сделать все возможное, чтобы последствия не оказались сокрушительными.

Если Алексей и убивает, – а в этом Гарик почти не сомневался, – то делает это исключительно ради удовольствия. Для заработка он тоже нарушает закон, но иначе, и в обоих случаях он не попался. И все равно он рискует, он знает, что давно под подозрением, он ходит по грани... Так зачем же ему привлекать внимание полиции так нагло?

Отчаявшись угадать, Гарик просто отправился к загородному дому Алексея Черкунова. А там происходило именно то, чего он и опасался: показательное унижение сил правопорядка.

Огород уже обыскали, но ничего не нашли. Это и понятно: грядки выглядели слишком ухоженными. Алексей наверняка копался тут не сам, нанимал садовника. И этому человеку он тоже доверил свой секрет? Или предоставил счастливую возможность случайно откопать среди свеклы ногу? Полиция даже привезла с собой собак, но и это не помогло: животные не брали след, следа просто не было.

То, что красиво называлось «озеро возле дома», на проверку оказалось большой лужей, да еще и заросшей водорослями. Нет, там можно было спрятать тело одной девушки, да еще и расчлененное, поэтому криминалисты с унылым видом тыкали в дно баграми. А вот для погружения водолазов этот сомнительный водоем уже оказался слишком мелким. Да и понятно, почему: основной целью озера был полив огорода при помощи нескольких небольших рвов, тянувшихся к дальней границе участка.

Именно там располагались те самые ямы, на которые полиция возлагала особые надежды. Увы, их изучение привело лишь к тому, что некоторых специалистов сегодня вряд ли пустят в дом, пока не проветрятся. В остальном же компостные ямы лишь выполняли свои основные функции: давали удобрения и воняли.

Дом уберег секреты своего хозяина вполне достойно. Ничего похожего на наркотики там не нашли, на их составляющие – тоже. Да и крови не было, хотя это и понятно: Филипп упоминал, что Алексей грамотно использовал целлофан.

Сам Черкунов не пропустил такое зрелище. Его сложно было не узнать: высокий, болезненно тощий, но при этом не изможденный, а жилистый. Смуглый и от природы, и после летнего загара, да еще так густо покрытый татуировками, что свободной от рисунков кожи осталось совсем немного.

Все шло по его плану, и Гарику было любопытно, как он отреагирует. Разумнее всего было бы изобразить смирение законопослушного гражданина, которому наплевали в любимую панамку. Однако Алексей не сдержался, он наблюдал за усилиями экспертов с нескрываемым злорадством.

Для Гарика это означало лишь одно: мертвая девушка действительно была, Филипп не соврал. И другие жертвы были. Черкунов испытывал удовольствие, когда убивал – и испытывал удовольствие, издеваясь над полицией. Двойная победа, предмет для гордости любого социопата.

Ну а вскоре стало ясно, зачем он это затеял. К загородному дому прибыла команда заблаговременно нанятых им адвокатов – за пару минут до окончания обыска, и в такие совпадения Гарик не верил. Люди Черкунова оказались здесь именно тогда, когда стало очевидно, что никаких доказательств у полиции нет. Они сразу предупредили, что теперь кое-кому придется отвечать по закону. Предполагалось, что полиция преследует их клиента, человека робкого и впечатлительного, на почве личной ненависти. Вроде как ему приписывают грехи отца – которого никто из ныне работающих полицейских в глаза не видел. Но какая разница? Человека обидели, опозорили перед соседями!

Алексей в беседе не участвовал, просто стоял на крыльце, облокотившись на перила, и ухмылялся. Его ставка, во всех отношениях рискованная, сыграла как надо. Да, он знал, что

полиция подбирается к нему – медленно и осторожно. Ему становилось все сложнее вести бизнес, и его это не устраивало. Он намеренно спровоцировал своих преследователей на поспешные действия, чтобы любые последующие обвинения против него смотрелись провокациями из мстительности. Это не становилось для него индульгенцией, но значительно упрощало ему жизнь.

Он ведь знал, что не станет зарабатывать деньги законным путем... да и убивать он не прекратит. Это наверняка доставляло ему такое удовольствие, которое этот извращенец больше ни от чего не получит. Полиция, скорее всего, остановит его – рано или поздно. Но в случае, когда речь идет об убийствах, «поздно» оценивается человеческими жизнями.

Поэтому Гарик знал, что справляться с этим психом теперь предстоит ему. Он просто не представлял, как...

* * *

Елене по-прежнему не нравилось то, что пришлось привлечь к расследованию этого типа, однако раздражения она не испытывала – смысла не было. Она признавала, что Матвей отличный профессионал, а хорошим человеком ему при этом быть и не обязательно. Начальство разрешило ей пригласить его в качестве консультанта, поэтому на допрос она отправилась уже в его компании.

Это оказалось к лучшему. Степан Погожев, владелец компании «Пог Строй», которая и возводила модульные дома, подготовился к настоящей осаде. Он собрал вокруг себя команду юристов, которые изначально делали вид, что это полиция должна подстроиться под его интересы. Так, они сумели оспорить повестку, основываясь на том, что их клиент якобы болен, и, если следователю нужно с ним поговорить, пусть следователь и напрягается, а Степан Иванович никуда не поедет!

Пришлось ехать Елене, и то, что Матвей составил ей компанию, немного успокаивало. Хотя столкнуться с толпой юристов, почему-то заставлявших думать о стае гиен, все равно оказалось неприятно.

Степан Погожев больным точно не выглядел. Если верить справке, предоставленной его адвокатом, он должен был валяться в кровати и диктовать завещание, отвлекаясь разве что на беседы с апостолом Петром. Однако следовательницу в итоге встретил пусть и немолодой, но крепкий и подтянутый мужчина, который, судя по золотистому оттенку кожи, только-только вернулся из какой-то экзотической страны.

Насколько удалось выяснить Елене, Погожев был из тех бизнесменов, которые сделали себя сами. Начинал он наемным менеджером в строительной компании, там проработал больше десяти лет. К моменту, когда подросли и получили образование его сыновья, он накопил достаточно денег, чтобы открыть собственное дело. Сначала Погожевы просто собирали модульные дома, покупая компоненты в других странах, потом наладили производство.

Они зарабатывали достаточно, хотя и не были феерически богаты. Ни Степан, ни его сыновья раньше не были связаны с криминалом, их никогда ни в чем не подозревали. Это не означало, что они не причастны к убийству, просто делало ситуацию куда более запутанной.

Елена ожидала, что допрос пройдет в доме Погожевых – договаривались ведь так! Однако Степан неожиданно заявил, что у него срочные дела. Беседовать со следовательницей он не отказывался, только вот сделать это предстояло на небольшом заводе, занимавшемся производством тех самых плит, в одной из которых нашли раздробленный человеческий череп.

В этом чувствовалась угроза... Погожев будто говорил им: вас всего двое, вы будете на моей земле. Да что вы мне сделаете? Я могу заставить вас исчезнуть, а мои юристы успешно это скроют!

В какой-то момент захотелось отказаться, просто развернуться и уйти, наплевав на должностные обязанности. Но Елена видела, что Матвей воспринял предложение Погожева спокойно, и заставила себя равняться на своего спутника.

Они ехали к объекту в разных машинах, поэтому начать разговор им удалось, лишь когда они оказались внутри. Юристы пока в беседу не лезли, Погожев дипломатично предпочел все делать сам. Но они безмолвными теньями маячили неподалеку, готовые вмешаться по первому же приказу своего нанимателя.

Погожев привел их на наблюдательную площадку и широким движением обвел всю производственную линию.

– Пожалуйста! – объявил он. – Смотрите на что хотите, делайте что хотите! Я уже пустил сюда ваших сотрудников в качестве жеста доброй воли. Они нашли хоть один труп? Они нашли следы крови или нечто подобное? Нет!

– От полноценного обыска вы отказались, – напомнила Елена.

– Во-первых, полноценный обыск остановит производство. Во-вторых, столь пристальное внимание полиции мне не нужно, мои конкуренты и так всю используют этот случай против меня! Слушайте, я понятия не имею, как та башка оказалась внутри панели. Но ни я, ни моя компания не имеем к этому никакого отношения!

– Вы и правда не против того, что мы осмотримся? – со скучающим видом осведомился Матвей.

– Прошу, будьте моим гостем!

Профайлер кивнул, однако никуда не пошел, он просто принялся изучать какой-то график на стене. Елена ожидала, что он хоть как-то поможет, выведет разговор на нужную тему. Однако Матвей молчал, и задавать вопросы пришлось ей. Знала ведь, что не нужно верить в эту дурь с профайлерами! Но ничего, избавиться от Матвея она сегодня еще успеет, пока ей нужно было как-то справиться с ситуацией.

– Ваша компания тут ни при чем... А ваша семья?

– Что вы имеете в виду? – нахмурился Степан.

– Насколько мне известно, ваши сыновья ведут бизнес вместе с вами, они полноправные владельцы компании. Но на первом осмотре производства они не присутствовали, да и сейчас их здесь нет.

– Потому что никто из нас не готовился к такому обвинению! Когда все это случилось, моя семья была в отпуске. А для меня семья – это не только жена, это и старший сын с супругой, и внуки, и младший сын... Все без исключения! Когда разгорелся скандал, мы решили, что из-за этого не нужно страдать всем, в Россию вернулся только я. Такое объяснение вас устроит? Или вам обязательно нужны мои сыновья?

– Они могут что-то знать...

– Да ничего они не знают – такого, чего не знаю я.

– Хорошо, подойдем с другой стороны. Вы знаете, кто такой Василий Антонец?

Когда Елене впервые сообщили о том, чей череп обнаружили в панели модульного дома, она никак не могла поверить. Но дополнительные проверки подтвердили невероятную правду: это действительно был Василий Антонец. Череп восстановили неплохо, компьютерная программа дорисовала лицо, ну а лицо это значилось во многих полицейских базах мира.

Свой сомнительный карьерный путь Василий Антонец начал еще в восьмидесятые, но тогда он был просто мальчишкой на побегушках у по-настоящему опасных преступников. К девяностым он обеспечил себе определенный авторитет, а в нулевые начал приторговывать оружием. Снабжал он в основном воюющие страны Африки, иногда организовывал поставки террористам Азии. Некоторое время его бизнес процветал, но когда на родине ему наконец прищемили хвост, Антонец сбежал – сначала в Узбекистан, а потом, поговаривают, в Россию.

Но «поговаривают» – это для полиции не аргумент, след человека, которого во многих странах справедливо считали военным преступником, затерялся на много лет.

Чтобы неожиданно обнаружиться в стене дома милой молодой пары среднего достатка, не связанной ни с террористами, ни с войнами, ни с оружием.

Ни со Степаном Погожевым – судя по тому, с каким удивлением он посмотрел на Елену.

– Нет, – ответил бизнесмен. – А должен?

– Не мешало бы, учитывая, что именно его голову нашли в утеплителе, изготовленном вашей компанией.

– Возможно, это был какой-то сезонный рабочий, мы их иногда нанимаем. Да и имена всех сотрудников я, признаться, не помню.

– Маловероятно, что он был вашим сотрудником.

– Тогда связи между нами нет, – пожал плечами Степан. – Своих конкурентов я знаю, своих врагов – тем более. Если бы это имя хоть что-то для меня значило, я бы сказал вам, но сегодня я услышал его впервые.

Елена и не представляла, на что она вообще рассчитывала. Что Степан Погожев, опытный бизнесмен, перенесший немало испытаний, разрыдается от стыда и во всем сознается? Иных способов добиться правды все равно не было.

Естественно, как только стала известна личность погибшего, полиция проверила любую возможную связь с семьей Погожевых. И ничего не нашла! Да, последние несколько лет жизни беглого преступника оставались белым пятном. Но вся его предыдущая бурная деятельность проходила очень далеко от того, чем интересовались Погожевы.

Это был тупик – и тупик неловкий. Елена понимала, что нужно уходить. Да она на дорогу больше времени потратила, чем на этот разговор, и ничего не получила! Но она-то делала ставку на профайлера, даже не догадываясь, что он планирует многозначительно молчать.

И только она собиралась извиниться за доставленные неудобства, как Матвей решил все-таки поучаствовать в разговоре.

– Мы можем пройти на склад?

– Думаете, у меня там стратегический запас черепушек припасен? – язвительно уточнил Степан. – Давайте, вперед! Надеюсь, хотя бы после этого вы оставите меня в покое раз и навсегда!

– Непременно.

Идея казалась откровенно дурацкой не только Погожеву, Елена тоже не понимала, зачем это нужно. Но она рассудила, что хуже уже не будет, и направилась к складу вместе со всеми.

В большом складском помещении хранились элементы уже заказанных домов. Осенью таких заказов было куда меньше, чем весной и летом, зал оставался полупустым, в ярком свете люминесцентных ламп он хорошо просматривался еще от входа, и несложно было заметить, что тут нет ни мертвых тел, ни отрубленных голов, ни каких-либо указаний на преступление.

Елену, и без того взвинченную, это смутило, Матвея – нет. Все с тем же могильным выражением лица, от которого он не отказывался, похоже, никогда, он подобрал лом, приставленный к стене у входа, и направился вперед, к аккуратно сложенным панелям.

– Эй! – насторожился Погожев. – Вы что делаете?

Матвей ему не ответил. Он внимательно осмотрел все панели, выбрал ту, которая вроде как не отличалась от других, и без сомнений по ней ударил.

– Какого хрена? – возмутился Степан. – Ты что творишь?! Ты хоть знаешь, сколько она стоит? Да ты двойную цену заплатишь, лично ты, из своего кармана!

То ли Матвея предполагаемая цена не смущала, то ли за грохотом ломающихся панелей он ничего не слышал, но останавливаться он точно не собирался. Может, в иных обстоятельствах Степан уже налетел бы на него, оттолкнул в сторону, огрел тем самым ломом... Но тут он видел, что предполагаемый соперник не только моложе, но и выше, да и в целом крупнее.

Поэтому Погожев искал утешения у юристов, которые обступили его плотным кольцом, как заботливые нянюшки – поранившегося ребенка.

Елена тоже не понимала, что творит Матвей, но злости почему-то не чувствовала. Он ведь и там, в лесу, сначала казался бесполезным, а потом на многое повлиял... Она не представляла, как он мыслит, что он вообще за человек такой. Но Елене и недолгого знакомства хватило, чтобы признать: предсказуемым его назвать нельзя.

Признав это, она подготовилась к любому исходу и почти не удивилась, когда в разорванном утеплителе неожиданно проступили сероватые осколки костей.

Именно их и искал Матвей. Как только стало ясно, что в панели спрятан еще один череп, профайлер небрежно отбросил лом, повернулся к Степану Погожеву и невозмутимо предупредил:

– Ваши показания придется подкорректировать.

Глава 4

Матвей даже не сомневался: со стороны то, что он сделал, могло показаться то ли чудом, то ли черной магией, в зависимости от настроения. Если не всем, то хотя бы кому-то из наблюдателей. Они вряд ли скажут о таком – цивилизованные люди все-таки! Но не думать не смогут.

Он же не собирался ничего пояснять, по крайней мере, не здесь. Ну а если у Елены возникнут вопросы, она узнает, что профайлер работал над этим заданием с тех пор, как получил его.

Версию о том, что череп оказался в утеплителе случайно, и уж тем более, что плиту подкинули, Матвей отмел сразу. Он уже изучил процесс изготовления базальтового утеплителя и примерно понимал, на каком этапе добавили череп. Никаких случайностей, тот, кто за этим стоит, очень постарался, возможно, он даже конвейер ради такого остановил, хотя вряд ли – скорее всего, просто действовал достаточно ловко.

Нет, Степан Погожев наверняка будет вопить, что это все-таки сделали конкуренты, а плиту размером со значительную часть стены дома ему подбросили. Но подобных производств в стране не так уж много, именно поэтому сами Погожевы раньше закупали комплектующие за границей. Да и те производства, что уже появились, расположены далековато. Огромную плиту подменить изначально сложно, а уж незаметно привезти ее – вдвойне.

Так что все упиралось в семью Погожевых. При этом Матвей почти сразу пришел к выводу, что Степан не только не виноват, но и не догадывается о причастности своей компании. Ему все происходящее действительно кажется дикой подставой, он убежден, что полиция ничего не найдет – потому что ничего и нет. А если подозреваемый не он, все сводится к его сыновьям.

Собирая информацию об этой семье, Матвей в одном из интервью прочитал, что каждую рабочую смену обязательно контролирует кто-то из Погожевых. Оборудование настроено так, что без их одобрения оно просто не запустится. Любую компьютерную защиту можно вскрыть, вопросов нет, но Матвей подозревал, что именно эту компанию привлекли к уничтожению улики как раз потому, что один из младших Погожевых продался.

Оставалось лишь определить, кто именно – или оба сразу. То, что они остались в Таиланде, ключевой подсказкой стать не могло. Возможно, обоим просто хотелось отдохнуть, тот, что не виновен, не считал проблему такой уж серьезной. А может, он как раз обеспокоился, вызвался сопровождать отца, однако второй брат заверил его, что это глупо, да и несправедливо по отношению к остальной семье.

Так что пока Елена вела беседу со Степаном, Матвей старался разобраться, кто из них причастен. Проблем с законом не было у обоих. При этом старший сын, Иван, уже обзавелся женой и детьми, он был привязан к дому, обременен ответственностью. А вот у младшего, Олега, не было никого, кроме родителей. При таких вводных проще решиться на преступление.

Матвей внимательно изучил график дежурств Погожевых, висевший на стене. Степан явно гордился тем, что он и его сыновья ведут себя как «простые работяги», вот и устраивал демонстрацию. Но благодаря этому Матвей выяснил, что Олег брал дежурства очень редко, да еще и в странные часы – ночью или ранним утром. Сам Олег наверняка нашел объяснение, устроившее его брата и отца. Они поверили, потому что о преступлении никто в семье даже не думал.

Матвей просмотрел документы, которые добровольно предоставила полиции «ПогСтрой», и обнаружил еще кое-что интересное: панели для дома той семейной пары были изготовлены как раз в дежурство Олега. Еще один штришок к общей картине, а больше и не надо.

Так что, обнаружив на складе новый дом, изготовленный при Погожеве-младшем, Матвей сразу решил на проверку. Был ли этот шаг рискованным? Безусловно. В пользу теории

профайлера говорило лишь то, что Олег Погожев не брал дежурства без особой необходимости. Но риск стоило принять хотя бы потому, что Елена стремительно теряла контроль над ситуацией. Еще чуть-чуть, и она начнет извиняться перед Погожевым, затаит обиду, перестанет доверять профайлеру и воспринимать Степана как подозреваемого.

Матвей не собирался этого допускать. С учетом того, как могли поместить череп в утеплитель, он прикинул, какая именно часть дома лучше всего подходила для такого «тайника», ее и вскрыл. Мог ошибиться, мог нарваться на неприятности, но на сей раз оказался прав.

Дальше можно было отстраниться и позволить работать полиции. Команда юристов Погожева тут же стала на защиту босса, пытаясь доказать, что улики, полученные таким варварским способом, несостоятельны. Однако тут Степан повел себя неожиданно благоразумно: он отозвал свою свору и согласился на сотрудничество со следствием.

Матвей догадывался, что так будет. Погожев был далеко не глупым человеком, его прежнее высокомерие объяснялось тем, что он даже не сомневался в собственной правоте. Но когда он увидел, что без его компании тут не обошлось, он сам вызвался сотрудничать.

Он попытался призвать обратно в Россию своих сыновей – и нарвался на еще один неприятный сюрприз: Олег исчез. Никто не мог сказать, как и когда это произошло, за младшим не следили, нужды не было. Все эти дни он казался расслабленным, он куда чаще, чем семейный старший брат, шлялся по барам и клубам. Из одного такого загула он просто не вернулся.

Степан предсказуемо беспокоился, считал, что сына похитили, чтобы подставить. Матвей был не столь высокого мнения о Погожеве-младшем. Он предполагал, что на производстве у Олега остались свои люди – он не мог все это проверить один. Они и предупредили его, что схема раскрыта.

Тут Олегу, можно сказать, повезло: выудить его из Таиланда будет очень непросто. Но Матвей, в отличие от Елены, и не считал, что все сводится исключительно к Погожеву. Нет, он, скорее, исполнитель чужих приказов... Вряд ли он даже придумал то, что произошло. Он молод, не глуп, однако повышенной ответственностью не отличается. Долгое время он вообще не интересовался производством, предпочитая работу с документами и отделом маркетинга. А потом он стал брать редкие ночные дежурства – года два назад, и, вероятнее всего, к этому моменту схема уже была отработана.

Вопрос в том, кто пришел к нему с этой схемой. Вариантов ответа пока не было: друзей у Олега оказалось много, но в основном такие же юные тусовщики, как он сам. А за этими странными убийствами стоял кто-то куда более зрелый и мудрый, чем столичные мажоры. Матвей прекрасно знал, что мудрый человек и хороший человек – далеко не всегда одно и то же, он признавал преимущества своих врагов, чтобы не оказаться в ловушке неподготовленности.

Быстрого решения тут не было, да и вряд ли могло быть. Тот, кто это устроил, наверняка подстраховался, сделал все, чтобы его не связали с Олегом Погожевым. Значит, новую подсказку можно ожидать только по линии жертв.

– Просмотрите, какие панели создавались под руководством Олега, – посоветовал Елене Матвей. – Отследите их судьбу, изучите их все. Если новые черепа и будут, то только там.

Он понимал, что быстро такие обыски провести не получится. Это при первом обнаружении им повезло – и со служебной собакой, и с тем, что значительная часть осколков оказалась на внешней стороне утеплителя, у самой деревянной панели. Так наверняка складывалось не всегда, и полиции требовался способ каким-то образом изучить дома, не разрушая их.

Пока же у них был второй череп. Его отправили на реконструкцию, кости оказались более хрупкими, чем у предыдущей жертвы, часть раздробилась в труху. Но того, что осталось, все равно хватило для реконструкции лица.

Вот только на этот раз такого быстрого результата, как с первой жертвой, не было. Полиции удалось установить, что погибла совсем юная девушка – лет двадцати, не больше. Судя по созданному компьютером портрету, красивая, однако в свои скромные годы уже не очень здо-

ровая: состояние зубов намекало на специфический образ жизни. Похоже, выросла в бедности – при плохом питании, с наследованием серьезных болезней от родителей и ранним приучением к алкоголю.

– Напоминает типичную проститутку, – заметила Елена, когда они снова встретились, чтобы обсудить дело.

– Не обязательно именно проститутку. Возможно, одну из тех девушек, которые хаотично ищут спонсора для собственного существования. Но в нашем случае это не принципиально.

– Это ведь странно... То, что жертвы так сильно отличаются друг от друга?

– Да, – признал Матвей. – Это очень странно. Этих двоих недостаточно, профиль преступника получается слишком противоречивым. Продолжайте искать.

– Мы-то продолжим, но... Разве вы хоть какую-то подсказку не можете дать? Раньше у вас ловко получалось...

– У меня ловко получается, когда хватает данных для работы, – пояснил Матвей. – Как в случае с Олегом Погожевым. Я обнаружил странность в его поступках в основном потому, что изучил типичное для него поведение. В истории с убийствами данных почти нет. Василий Антонец – преступник с огромным влиянием. Девушка, у которой не хватало денег на лечение зубов – вряд ли. Нам неизвестен способ убийства. Мотив тоже под вопросом: юных красивых жертв обычно предпочитают для сексуализированного убийства, таких, как Антонец, – для убийства из мести. Это принципиально разные подходы к преступлениям. Способ сокрытия тел намекает на знания, опыт и влияние. Но, опять же, убийство молодой женщины – это убийство страсти. Нужны другие жертвы.

– Это займет время...

– Разумеется, займет. Но уже можно предположить, что преступления совершались около двух лет. Возможно, дольше. Это не тот узел, который можно распутать за пять минут, так что продолжайте искать.

Матвей мог бы указать и на то, что убийца, вероятнее всего, уже знает о том, что черепа обнаружены – исчезновение Олега Погожева косвенно подтверждало это. Но профайлер промолчал, смысла не было. Пока они не могли на него повлиять, не могли даже приблизиться к нему, им оставалось лишь ждать, пока он покажет, какую стратегию выбрал: оборону или нападение на тех, кто осмелился его преследовать.

* * *

Сидеть без дела Таисе не хотелось. Во-первых, это было скучно, во-вторых, позволяло снова сосредоточиться на чувстве незавершенности, оставленной предыдущим заданием. Таиса понимала, что не могла ничего изменить и ни на что не повлияла бы, а на душе все равно было паршиво.

Она знала, что к Николаю Форсову регулярно обращаются за помощью и консультацией, с его репутацией это не удивительно. Некоторые запросы он отмечает сразу, некоторые передает своим ученикам и лишь с единичными, самыми сложными, разбирается сам. На самые сложные она не претендовала, а вот за теми, что попроще, регулярно обращалась к Вере.

И конечно, во время таких бесед она старалась выяснить, как дела у наставника. Вера редко делилась проблемами, однако Таиса и не рассчитывала на прямой ответ. Она следила за голосом собеседницы, за интонациями, за жестами и мимикой, если дело доходило до видеочата.

Таиса видела, что за последние недели настроение у Форсовой явно улучшилось, ее муж стремительно восстанавливался. Однако сегодня Вера казалась куда менее бодрой, не печальной и уж точно не испуганной, однако заметно настороженной чем-то.

– У Николая Сергеевича все в порядке? – не выдержала Таиса.

– У Николая Сергеевича все лучше всех, – отмахнулась Вера. – У него все настолько хорошо, что он возомнил себя гордым юношей, готовым покорять мир!

– Он что, взял какое-то сложное задание?

Это было неожиданно, странно и вызывало куда больше вопросов, чем раньше. Таиса не отказалась бы узнать подробности, но Вера уже спохватилась, спряталась от мира за дежурной улыбкой.

– Все в порядке, извини, дорогая, что сбита тебя этим. Просто Коля отказывается... принимать витамины, назовем это так. Но он разберется, и все будет хорошо.

– Боитесь, что я полезу в его дела и только помешаю?

– Я пришлю тебе задания на почту, там есть несколько неплохих проектов. Удачи, Таечка!

Вера вроде как не ответила – и вместе с тем ответила предельно ясно. Правда, Таисе от этого легче не стало. Она раньше не сомневалась, что учитель вернется в Россию сразу после реабилитации. А теперь, похоже, он и лечиться не собирается, и возвращаться к привычной жизни. Но что он тогда планирует делать? И... зачем?

Таиса не отказалась бы узнать, но оценивала свое положение в импровизированной иерархии учеников Форсова здраво. Если старшему профайлеру понадобится помощь, он вызовет Матвея, тут без вариантов. Того самого, с которым Таиса до сих пор не разговаривает – или он не разговаривает с ней, вопрос философский. В любом случае, именно Матвей остается звездным учеником и правой рукой Форсова. Таисе же пока приходится довольствоваться куда менее значимыми проектами.

Она как раз просматривала список заданий, присланный Верой, когда зазвонил телефон и на экране высветился номер Юлии Лазаревой.

Это было неожиданно. Они с Юлей недавно беседовали, пришли к выводу, что Паулина не спивается и не употребляет никакие таблетки, Дмитрия Волкова она не боится. В ее жизни не все хорошо, но она уверена, что справится сама, и помощь ни от кого не примет. На этом – всё! Все стороны признали задание выполненным.

От того, что Юля все равно позвонила, да еще так скоро, в груди неприятно кольнуло. Отмалчиваться Таиса не собиралась, она ответила сразу же и услышала на другом конце рыдания, которые ее собеседница даже не пыталась сдерживать.

– Она пропала! – всхлипнула Юля. – Он ее убил, убил!

– Юля, успокойся, пожалуйста...

– Какое, на хрен, успокойся?! Он убил ее, а ты сказала, что все в порядке!

О том, что у собеседницы истерика, догадаться было несложно. Тратить время на вдумчивые аргументы Таиса не собиралась, она сразу рявкнула:

– Заткнулась, быстро!

Юля послушно замолчала на середине замысловатого проклятья. Однако трубку не повесила – да Таиса и не ожидала, что повесит. Что бы Юля ни вопила сейчас, она позвонила ради помощи, а не ради выяснения отношений.

– Расскажи четко и по возможности без эмоций, что произошло, – велела Таиса. – И тогда я постараюсь все исправить.

Уверенный тон подействовал, но на людей, близких к истерике, он влияет лучше всего. Плакать Юля не перестала, однако наконец-то заговорила по делу.

Выяснилось, что вчера вечером Паулина действительно исчезла. Никто не мог сказать, когда именно это произошло: у модели был свободный график, она ни перед кем не отчитывалась. Тревогу забили, когда она не явилась в школу за дочерью.

– Она бы никогда так не сделала, никогда! – причитала в трубку Юля. – У нее всегда были четкие приоритеты! Доченька на первом месте, все остальное – только если она счастлива!

Таиса, наблюдавшая общение Паулины с ребенком, была с этим согласна. Модель никогда не нуждалась в деньгах, карьера стала для нее скорее увлечением, чем необходимостью. Даже если бы по какой-то причине у Паулины не получилось забрать дочь, она бы обязательно организовала все так, чтобы это сделал кто-то другой. А в итоге девочка осталась одна возле дороги в ожидании матери, которая так и не появилась. Прошло несколько часов, прежде чем школьная администрация заметила это и связалась с родственниками ребенка.

А вот связаться с Паулиной не получилось. Ее телефон был отключен, и никто не мог толком объяснить, какие у нее вообще планы на этот день, где она была накануне. В ее доме никого не оказалось, и ее машину до сих пор не нашли.

– Никто и не ищет! – признала Юля. – В полиции даже у родственников отказались принимать заявление! Да и родственники, кажется, не понимают, насколько все плохо!

Реакция полиции Таису не удивила. Речь шла о взрослой женщине, здоровой, самостоятельной, не находящейся в опасности. Естественно, в полиции решили, что Паулина сама куда-то уехала! Ну а что дочь не забрала... Светская львица, что с нее взять! Они не знали Паулину лично, судили о ней по тому, что видели в соцсетях. Им казалось, что у богатой и влиятельной женщины хватит денег на решение любых проблем.

Юля же сразу отнеслась ко всему иначе. Она, так толком и не успокоившаяся даже после вердикта психолога, мгновенно заподозрила во всем Дмитрия Волкова. Она поехала к нему домой, но там тоже никого не оказалось.

Однако настойчивости Юле было не занимать. Она вернулась к дому Волкова утром, и на этот раз мужчина находился внутри. Он даже не отказался беседовать с подругой невесты, но приятным этот разговор точно не был.

– Я записала все на телефон... Это он сделал, понимаешь? – настаивала Юля. – Он! Он ее убил, а полиция просто теряет время, потому что эти мусо...

– Хватит, – прервала Таиса. – Ты своей истерикой ничего не добьешься. Сбрось мне видео и все, что известно об исчезновении Паулины к этому моменту.

– Ты мне pomoжешь?!

– Я буду пытаться.

Таиса сказала правду: она не намерена была отступать. Дурное предчувствие, не покидавшее ее с тех пор, как она официально завершила это задание, переросло в тревогу... и в чувство вины, куда же без него! Ей ведь не зря казалось, что с Паулиной что-то не так. Однако Таиса успокаивала себя мыслью, что модель не напугана по-настоящему, у нее есть деньги, есть влиятельные родственники, она сможет обеспечить собственную безопасность, если понадобится.

И вот теперь Паулина исчезла. Еще и требований о выкупе нет... Полиция наверняка сочтет это показателем того, что модель пустилась в загул сама. Таиса же видела в отсутствии требований куда более тревожный звоночек.

Видео, которое переслала Юля, лишь усилило подозрения. На нем Лазарева рыдала и билась в истерике, а вот Дмитрий... Дмитрий остался спокоен, как скала. Его голос звучал ровно, он не срывался на крик даже перед бросающейся на него женщиной. Очень часто так ведут себя люди, которым известно больше, чем остальным, и это преимущество становится внутренним стержнем, не позволяющим им поддаться на провокацию.

– Ты ее убил! – кричала Юля. – Я это докажу! Свою бывшую ты избивал, а ее убил!

– Иди домой и проспись, – невозмутимо советовал Волков.

– Где Паулина?!

– Мне откуда знать? Поехала на съемку, наверно, она передо мной не отчитывается.

– Она наконец решила тебя бросить, и ты ее убил!

– Ты сама не понимаешь, что несешь. Она не собиралась меня бросать, я ее – тоже, у нас все хорошо.

Разговор ходил кругами. Юля только и могла, что обвинять Волкова, толковых доказательств у нее не было. Мужчина некоторое время терпел это, еще пытался что-то доказать, а потом просто захлопнул дверь.

Юля позвонила профайлеру не сразу. Видимо, она сама пыталась найти следы подруги, опрашивала всех, кто работал с Паулиной, но ничего не добилась. В жизни пропавшей модели не было ничего подозрительного – кроме отношений с нынешним возлюбленным.

Первым импульсом Таисы было поехать к Волкову и лично с ним поговорить. Видео оказалось полезной штукой, но там звук сохранился лучше, чем изображение. У Юли сильно дрожали руки, да и Волков постоянно убирал от себя камеру. Его лицо почти не различить на записи, а без этого сложно полноценно оценить его состояние.

Вот только Таиса подозревала: говорить с ней он не будет. Волков наверняка считает, что все объяснил Юле, она может передать его слова другим подругам Паулины. Он, скорее всего, просто не откроет дверь – и все. Да и потом, Таиса прекрасно помнила, как общалась с ним Паулина. Она не боялась его, он не повышал на нее голос. С чего ему вдруг срывать и похищать ее? А тем более убивать!

В прошлом Волкова было две главные проблемы: пагубные привычки и мутная история с бывшей возлюбленной. Судя по тому, как он выглядит сейчас, от привычек он избавился. Таиса решила заполнить второй пробел его биографии и назначила встречу его прежней сожительнице.

С обычными девушками Волков, похоже, не встречался. До отношений с Паулиной главной женщиной его жизни была Ульяна Лов – популярный кулинарный блогер.

За каналами таких, как она, не следят ради бурных страстей. Там домохозяйки обычно выискивают какие-нибудь оригинальные рецепты для кабачков, которых родственники этим летом опять привезли слишком много. Задача таких, как Ульяна – объяснить эти рецепты с улыбкой на лице, выглядеть мило, хвастаться чистенькой кухней и красивой посудой.

Именно этим много лет и занималась Ульяна, развивая свой блог, ну а потом грянул скандал. Однажды она появилась в эфире не возле стола с продуктами и обязательным букетом живых цветов. Она сидела у белой стены, бледная, не накрашенная – или умело накрашенная так, чтобы выглядеть не накрашенной. Одета предельно просто, хотя яркие наряды стали одной из ее визитных карточек.

В тот день она рассказала, что ее уже много лет избивает ее продюсер Дмитрий Волков. В качестве доказательства она использовала скриншоты из своих предыдущих видео – и зрители впервые обратили внимание на синяки, покрывающие ее руки, на повязки, прячущие ожоги и раны. Ульяна признала, что находилась в зависимости от человека, с которым жила, и некоторое время не замечала проблему. Ну а потом до нее наконец дошло: получать удары вместо слов – явление ненормальное и даже вредоносное.

Полыхнул скандал, был суд, но суд проходил в закрытом режиме – так договорились стороны. В итоге Дмитрий Волков, который был не только продюсером, но и сожителем Ульяны, отказался от любых притязаний на доход ее канала, а за это не отправился на решетку. Интернет-сообщество попинало его и забыло, переключившись на другие новости.

В следующий раз он привлек всеобщее внимание уже как бойфренд Паулины. Ее тогда предупреждали, что он опасен, с ним лучше не связываться. Впрочем, предупреждали пользователи, Ульяна Лов, связанная соглашением в суде, хранила молчание.

Но на встречу она согласилась на удивление легко. Казалось, что ей давно хотелось с кем-то поговорить, и Таиса просто стала первой желающей.

Они пересеклись в студии, где шла съемка. Ульяна специально приехала туда пораньше, чтобы им никто не помешал. Она устроилась за барной стойкой и нервно сжимала в руках чашку чая. Смотрела она при этом только на темную поверхность напитка, отражавшую ее

безупречно загримированное лицо, на свою собеседницу она не взглянула ни разу с тех пор, как выпустила ее.

– Вы чувствуете вину перед Паулиной, не так ли? – мягко спросила Таиса. Догадаться было несложно, иначе Ульяна не согласилась бы побеседовать с той, кто представился личным психологом пропавшей модели.

– Да, я... Я знаю, что никто Паулину официально не ищет. Но в интернете только о ее исчезновении и говорят! А еще о том, что он может быть причастен...

– Вы считаете, что это правда? То, что он мог навредить Паулине?

– Мог, – твердо ответила Ульяна. – Я знаю, что мог! И я... Теперь мне кажется, что я подвела ее. Я пыталась поговорить с ней – один раз, когда все только началось. Я предупредила ее, какой он, каким может быть! Но она мне не поверила... На этом все закончилось.

– Она бросила трубку, вы не перезвонили?

– Да, примерно так... Я решила, что она сама виновата. Я же показала в эфире, что он со мной сделал! Какой душой вообще нужно быть?.. Я решила, что это ее вина... Но я не думала, что дойдет до такого! А если он убил ее? Я же никогда себя не прощу!

– Ульяна, успокойтесь, пожалуйста. Давайте начнем с начала. Как вы с ним познакомились?

Поначалу ничего настораживающего в истории любви Ульяны и Дмитрия не было. Он не преследовал ее, они встретились в клубе. Она еще была ученицей кулинарного техникума и только мечтала о карьере повара. Волков мыслил глобальней, он и правда оказался неплохим продюсером: он оценил очарование девушки и предложил запустить ее канал.

– Тогда мне казалось, что он мой ангел-хранитель, – горько усмехнулась Ульяна. – Взял и построил мне карьеру с нуля, просто так! А оказалось, что не просто так...

Неопытная девушка, ничего не знавшая о блогах, подписала контракт с продюсером, не читая. К тому моменту они стали любовниками, и ей казалось: Дима никогда не обманет ее, он сделает все в ее интересах!

Но Волков оказался куда прагматичнее. Договор, который подписала Ульяна, действовал пять лет, и в это время девушка обязана была отдавать продюсеру девяносто процентов любой прибыли, которую принесет ее канал. Оставшихся денег было недостаточно для самостоятельной жизни, так что Ульяна попадала и в финансовую, и в эмоциональную зависимость от Дмитрия.

До нее это дошло не сразу. Сначала она просто наслаждалась процессом и во всем доверяла продюсеру. Возможно, так продолжалось бы и дальше, если бы требования Дмитрия не возросли. Он увеличил нагрузку на свою подопечную, начал настаивать, чтобы она завела второй канал, включал ее в проекты, которые были ей совсем не близки – вроде спортивных состязаний между блогерами.

Наконец Ульяна попробовала отказаться, и вот тогда он впервые ударил ее.

– Я ничего подобного не ожидала, – признала она, все еще глядя только на остывший чай. – Конечно, он не был таким добрым ангелом, как в начале наших отношений. Он мог повысить на меня голос – и с удовольствием это делал. Но я была уверена на сто, на двести процентов даже, что этим дело и ограничится. У меня и мысли не было, что он меня ударит, пока он это не сделал.

Она попробовала возмутиться. Ульяна была нерешительной и зависимой – но не настолько же! Вот тогда Дмитрий и открыл ей неприятную правду: вся ее карьера была завязана на нем. Ее деньги принадлежали ему, права на название канала принадлежали ему. Даже ее псевдоним он каким-то образом оформил в собственность!

Ульяна, не готовая к такому удару, сначала смирилась, она понятия не имела, как быть. Жизнь покатила по привычной колее, и все равно стала другой. Нет, Дмитрий не перешел

на абсолютную жестокость, если девушка с ним не спорила, он ее не трогал. Но перспектива порой меняет все: Ульяна знала, что она в плену, и больше не могла расслабиться.

Она попыталась договориться с Дмитрием по-хорошему: предложила ему отступные, попросила разделить доход иначе. Он отказался – да и с чего бы ему соглашаться? Он научился очень быстро усмирять свою подопечную.

Так прошло пять лет, и когда настал момент продления контракта, Ульяна решила на мятеж. Она тайно договорилась с командой, помогавшей ей при съемках, и в эфир пустили ролик, о котором Дмитрий ничего не знал. Момент был опасный: если бы продюсеру удалось исправить ситуацию, его подопечной не поздоровилось бы.

Однако Ульяна выбрала момент правильно. Она и правда была мила, у нее появилась целая армия поклонников. Она стала брендом, который можно выгодно использовать. Конечно, после ее откровений на нее обрушилось немало ненависти от тех, кто считал, что она сама во всем виновата, раз «добровольно раздвигала ноги пять лет». Но она нашла и поддержку – среди фанатов и от нового продюсера.

– Мы в итоге решили дело миром, – завершила рассказ Ульяна. – Можно и так сказать... Я не настаивала на судебном преследовании. Он отказался от моих денег и прав на канал. И вот теперь, когда пропала Паулина, я думаю... Я была права? Или я виновата в том, что случилось с ней, потому что струсила и не довела дело до конца?

Она не пыталась обмануть профайлера, Таиса видела это. Ульяна действительно верила, что в исчезновении Паулины виновен ее жених. Дмитрий Волков идеально подходил на роль плохого парня... Да он, собственно, плохим парнем и был, сложно защищать того, кто избивал беззащитную девушку.

Но в одном Таиса больше не сомневалась: он не похищал и уж тем более не убивал Паулину.

Да, он был жестоким, садистом даже, но садистом выжидающим. Из тех, кто сначала привязывает к себе жертву, а уж потом делает с ней все, что душе угодно. Он до этого этапа еще не дошел, они с Паулиной встречались всего пару месяцев. В начале отношений такие, как Волков, обычно слаще сахара, особенно если они уже попали под каток скандала. Дмитрий наверняка делал все, чтобы Паулина поверила: его бывшая – тупая истеричка, которая оболгала честного человека.

К тому же Паулина изначально была куда более сложной мишенью, чем Ульяна. Она выросла в достатке, не сомневалась в себе. У нее была карьера, к которой Волков только-только пытался подобраться. Если бы он хотя бы повысил на нее голос, она бы уверенно ушла и за пять минут оградила себя от него навсегда.

Однако Паулина была совершенно спокойна рядом с ним – это Таиса наблюдала лично. Следовательно, он ни разу не давал своей невесте повода для настороженности. Что же до его нынешнего равнодушия, которое так насторожило Юлю... Вероятнее всего, это игра на публику из последних сил. Волков тоже не ожидал, что Паулина пропадет. Он прекрасно знает, что с таким прошлым станет главным подозреваемым, и у него наверняка нет алиби. Его невозмутимость – последнее затишье перед нервным срывом.

Но жалеть его Таиса не собиралась, она вышвырнула Волкова из мыслей в тот момент, когда укрепилась во мнении, что преступник не он. Пускай сам справляется со своими бедами!

Профайлера же по-прежнему интересовало лишь одно: куда исчезла Паулина?

* * *

Гарику хотелось не столько посадить, сколько придушить Алексея Черкунова, но с этим возникли определенные сложности: закон не делал никаких исключений для убийства мудаков. Пришлось играть по правилам.

Он давно уже не сомневался, что Черкунов все это подстроил и своего добился. Гарику оставалось лишь надеяться, что этот манипулятор недоделанный хоть где-то да допустил ошибку. Речь ведь шла не только об убийстве его любовницы, с Алексеем связали исчезновение больше дюжины человек! Да, он мог очистить свой дом от крови, особенно если использовал целлофан. Но куда он дел такое количество тел?

Пока Гарик только и мог, что просматривать видеозаписи допросов Филиппа и Черкунова, надеясь обнаружить хоть какую-то ошибку. За этим занятием его и застал звонок в дверь – долгий, настойчивым, намекающий, что звонящему очень уж хочется войти как можно скорее.

Это было неожиданно, и его удивление лишь возросло, когда он обнаружил перед своей квартирой Таису. Нет, она-то знала, где он живет, но в гости к нему просто так не ездила. Таиса побывала у него один раз, заявила, что в свинарнике чище, и дальше предпочитала встречаться либо в кафе, либо на территории Матвея, либо на месте преступления.

Она и сейчас явно не в гости пожаловала. Таиса выглядела нервничающей, хотя определенно не испуганной. Она вошла в квартиру, не дожидаясь приглашения, Гарику только и оставалось, что посторониться.

– И тебе привет, утренняя заря, – хмыкнул он. – Чему обязан?

– Ты сейчас не очень занят? – спросила Таиса и тут же сама ответила: – А ты вообще не занят, я вижу. Сколько времени тебе нужно, чтобы собраться?

– Первое: я ел чипсы и смотрел видео на ноутбуке. Это тот максимум, который я обычно планирую на день. Второе: с чего ты взяла, что я вообще куда-то с тобой поеду? Где мой предупредительный звонок и два часа на сборы?

– Не сложилось, придется обойтись без макияжа! Гарик, шутки в сторону, очень помощь нужна.

Он не следил за тем, каким именно делом занята Таиса. Он просто знал, что Форсов не поручил бы ей ничего по-настоящему опасного, и этого было достаточно. Так что вся эта история с пропавшей моделью стала для него полной неожиданностью, хоть и не шокировала: Гарик еще и не с таким справлялся.

Пока Таиса быстро рассказывала ему обо всем, что узнала за эти дни, он прикидывал, что взять с собой. Как выяснилось, его призвали не только ради приятной компании, Таисе срочно требовалось попасть в квартиру Паулины.

– Я от Юли выяснила кое-что очень любопытное: Паулина с дочерью жила в загородном доме, – пояснила она. – При этом у нее в собственности несколько квартир, но она ими якобы не пользовалась, это инвестиция на будущее...

– А подвох в чем?

– Что пользовалась! Пока я следила за ней, она заезжала в одну из своих квартир, причем не на пять минут! Я думала, она там или живет, или съемку проводит... Но со слов Юли, Паулину эти квартиры особо не интересовали.

– Может, в аренду сдавала?

– Даже если бы сдавала, ты серьезно думаешь, что она вела бы себя как та тетка, которая неожиданно приезжает и водит пальцем по полочкам в поисках пыли? Она заезжала именно в ту квартиру, когда казалась особенно взволнованной, а теперь пропала... Мне нужно знать, что там!

Что ж, она поступила правильно, когда пришла к нему. Даже если бы она вдруг научилась вскрывать замки, Гарику не хотелось, чтобы она занималась таким одна! Это уже не дело о душевном равновесии светской львицы, с исчезновением человека все стало пугающе серьезным.

– Матвея позвать не хочешь? – полюбопытствовал Гарик. – Или вы все еще на ножах?

– Кто такой Матвей? – показательно удивилась Таиса.

– Понял...

Гарик не интересовался делами всяких там инфлюенсеров, если ему не приходилось с ними работать. Поэтому он и не представлял, сколько там денег у пропавшей Паулины, что она может себе позволить. Пока он увидел только одну квартиру, ту самую, в которую она каталась перед исчезновением.

Квартира была хорошей, но не элитной. Дом новый, с огороженной территорией, попасть на которую могут только жильцы и их гости. Есть шлагбаум, возле него – будка охраны. А вот консьержей в подъездах тут не предполагалось, не тот уровень. Однако это все равно был один из тех домов, где жильцы оставляют в коридоре велосипеды, не пристегивая их к батареям или перилам.

Любые замки на подступе к дому могли защитить разве что от бомжа или залетного алкоголика, Гарик преодолел их играючи – быстрее даже, чем справлялись с этим местные жители, наверняка путавшие, какая карта что открывает. Очень скоро они с Таисой укрылись от осеннего ветра в теплом светлом подъезде и поднялись на седьмой этаж по лестнице, чтобы получше осмотреться.

Дом в целом был одного уровня благосостояния – кроме небольшого исключения. Однако то, что исключение это оказалось очень близко к квартире Паулины, настораживало. Здесь на светлой штукатурке без труда просматривались темные пятна копоти: так бывает, когда сигарету тушат о стену, хотя Гарик очень давно подобного не наблюдал. Кнопка лифта на седьмом этаже была выжжена, плитка на полу потрескалась – явно что-то большое уронили. Дверь квартиры оказалась относительно чистой, но на ней просматривались следы клея и бумаги: похоже, совсем недавно на нее старательно наклеивали послания, которые очень уж не понравились хозяйке.

Следующее неприятное открытие поджидало Гарика, когда он наклонился к замкам: один из них был залит какой-то липкой дрянью и безнадежно испорчен. Правда, эту проблему уже решили: дверь явно вскрывали, замок срезали, но поменять не успели. Зато нижний замок только-только установили, он и был заперт.

– Слушай, по шкале от одного до десяти, насколько твоя новая знакомая свинья? – полюбопытствовал Гарик, осторожно поворачивая в замке отмычки.

– Это совсем не похоже на Паулину... Я понимаю, что есть те, у кого в комнате порядок ровно настолько, чтобы попадало в камеру видеочата. Но это не ее случай!

– Откуда ты знаешь? Разве ты была у нее дома?

– Слушай, ну не настолько я плохой профайлер! – возмутилась Таиса. – Понятно, что не такой мастодонт, как вы с Матвеем...

– Я предпочитаю термин «лев профайлинга».

– Это не термин. Так вот, я уступаю вам, но кое-что я умею! Паулина не помешана на чистоте, зато она аккуратна, и она очень внимательна к тому, что чувствуют другие. Она не стала бы разводить бардак ни у себя дома, ни, тем более, в общественных местах!

Спорить Гарик не стал, он и правда признавал, что у Таисы было время для составления хотя бы базового профиля пропавшей девушки. Но это не отменяло того, что он видел перед собой сейчас.

– Может, они тут с этим Волковым жили? – предположил Гарик. – И в домашних условиях Волков идентифицировал себя как Хряков?

– Тоже нет. Юлия сказала, что она ездила к Волкову, значит, у него свое жилье, он не претендовал на имущество Паулины. Да, надо было узнать про эту квартиру побольше...

– Зачем, чтобы заранее вытянуть из нашей вылазки все веселье? Сейчас и узнаем!

Все то время, пока он работал, Гарик прислушивался очень внимательно. Расслабленность он изображал скорее по привычке, он ни на секунду не забывал, что они нарушают закон – и что эта история изначально связана с преступлением.

Однако в разгар буднего дня дом оставался погруженным в тишину, то и дело работал лифт, но на седьмом этаже никто не выходил. С другой стороны тоже не доносилось ни звука, не похоже, что Паулина затаилась внутри. И все бы ничего, но Гарик не мог избавиться от ощущения, что из замочной скважины доносится запах какой-то гнили. Запах был легким, едва уловимым – настолько, что Гарик даже сомневался, из квартиры это или где-то внизу канализацию прорвало.

Если бы они оказались в каком-нибудь маргинальном закутке, где каждый квадратный метр приходится отбивать у тараканов, он бы не сомневался в собственном обонянии. Но откуда в таком доме мог взяться застарелый запах грязи? Так что Гарик убедил себя: ему просто чудится или всему есть объяснение, просто не очевидное.

Замок был неплохой и сражался за своих владельцев долго, минут десять. Таиса даже нервничать начала, есть у нее такая слабость. Гарик же изначально не сомневался, что все будет хорошо, вопрос был лишь в сроках.

Наконец замок капитулировал, дверь открылась, пропуская их в квартиру. Радость была недолгой: как только они попали в коридор, вонь ударила в полную силу. Элитная столичная недвижимость и правда смердела как хлев... Да у хорошего хозяина и в хлеву атмосфера приятней!

Гадать о причинах не приходилось: уже коридор был изгажен, и беглый взгляд в комнаты намекал, что там положение не лучше. В эту квартиру вообще входить не хотелось, а пришлось, оставаться в коридоре было слишком рискованно.

– Меня после этого визита придется три дня в хлорке отмачивать, – заметила Таиса. Она сжалась, изо всех сил пытаясь ничего не коснуться.

– Ты уверена, что не ошиблась насчет чистоплотности красотки?

– Даже не начинай! Ты прекрасно видишь, что делал это не один человек.

Он и правда видел. Квартиру уже покинули, тут явно никто не жил. Но произошло это совсем недавно, и в помещениях сохранялся тот специфический бардак, который всегда возникает при переезде. Мебель таскали, не жалея стены, на них остались грязные пятна и даже выбоины. Ненужные вещи бросали прямо на пол, и теперь по углам грудками валялись грязные носки, бумага с подозрительными пятнами, упаковка от гамбургеров и нечто покрытое таким пыльным слоем плесени, что разглядеть его основу не представлялось возможным.

Это определенно были вещи не одной молодой женщины, какой бы неряшливой она ни была. Профайлеру хватило пары минут, чтобы определить: совсем недавно здесь жили представители трех поколений, от детей школьного возраста до тех, кто только-только стал пенсионером.

При этом вонь, заполнившая квартиру, появилась даже не из-за мусора, хотя и он приятной атмосфере не способствовал. Похоже, тут годами жили, как придется: пол покрывали слои грязи, на плите скопилось столько жира, что сверху он напоминал горный хребет, а под крышкой треснувшего унитаза, кажется, зарождалась жизнь.

– Ничего не понимаю, – нахмурилась Таиса. – Эту квартиру убивали не меньше года... Как Паулина такое терпела?

– Фиг знает... Ты же сказала, что с деньгами у нее проблем не было, так зачем ей такие квартиранты?

– Тут нечто большее, чем квартиранты. У этих людей в жизни не хватило бы денег на аренду такой квартиры, а они все равно тут жили.

– Откуда знаешь?

Таиса презрительно коснулась носком кроссовка невнятного комка капрона на полу.

– Колготки штопаные.

– Ну, ты барыня!

– Ты когда последний раз носки зашивал? – парировала Таиса. – Ты их вообще стираешь или сразу новые покупаешь?

– Допустим, уела... Но я плохой пример.

– Гарик, если бы они платили за эту квартиру, они относились бы к ней бережней. Говорю тебе, им все досталось бесплатно!

От такого щедрого предложения не отказываются просто так, да и жильцы отказываться не хотели. Переезд получился не только неряшливым, но и срочным, все указывало на то, что уезжали они отсюда в спешке. Помимо этого, ничего подозрительного в квартире не было: ни намек на оружие, никаких следов крови.

Пока все это было странно, однако не угрожало Паулине. С выводами Гарик все равно не спешил, он повернулся к своей спутнице:

– Пойдем приставать к соседям?

– Угу. Нам даже не придется объяснять, кто мы, они по запаху определяют, что мы побывали в этой квартире!

Сочинять сложную легенду не было смысла, они просто представились потенциальными покупателями, присматривающимися к опустевшей квартире. Их появление неожиданно обрадовало соседей настолько сильно, что они даже не проявили обычной в таких случаях настороженности. Им явно очень хотелось, чтобы здесь поселилась приличная молодая пара – и их беды наконец закончились.

Потому что бед этих хватало. В квартире и правда долгое время жила целая толпа, и никто из соседей даже не брался точно сказать, сколько именно человек Паулина поселила внутри. С соседями странные квартиранты не общались, однако вели себя так, будто им все здание принадлежит.

Паулина тут появлялась редко, в основном – когда требовалось извиниться и оплатить ущерб. Ее пытались расспросить о том, где она взяла этот невнятный набор странных личностей, однако она отмалчивалась и доставала кошелек.

Впрочем, даже у ее терпения был предел. Примерно месяц назад квартиранты залили квартиру снизу настолько сильно, причем не только водой, что ущерб получился внушительным и для обеспеченной модели.

– Именно в этот период Паулина, по словам Юлии, начала нервничать, – сказала Таиса, когда они распрощались с теми самыми соседями снизу, уже получившими компенсацию, но все равно недовольными.

– Она решила выселить отсюда этот бродячий цирк, – догадался Гарик. – И судя по тому, что дело затянулось на месяц, уезжать им не очень-то хотелось!

– А она тратила на них столько времени вместо того, чтобы обратиться к друзьям или полиции за помощью... Даже Юля понятия не имела о квартирантах, иначе она уже сказала бы мне!

– Но она все-таки добилась своего – они свалили!

– А она исчезла, – вздохнула Таиса. – Я сильно сомневаюсь, что это совпадение. Нам нужно выяснить, что это за люди, куда они дели Паулину... И что-то мне подсказывает, что времени у нас осталось совсем мало!

* * *

В ее паспорте значилось имя Пок Чи-Ун, но об этом знали немногие. Миллионам своих поклонников в Южной Корее, да и других странах Азии, она была известна как Зоуи. Он давно уже заметил, что здесь это очень популярно – выбирать вполне банальные английские имена в качестве псевдонимов. Или правильной будет сказать американские? Он ведь и сам удачно сыграл на этой «американской моде».

Год назад Виталий Любченко и предположить не мог, что его жизнь сложится вот так. У него все было под контролем, он был богат, построил великолепную карьеру, не было никаких предпосылок к тому, что он потерпит неудачу! И даже его игры с законом как таковые не несли в себе особого риска. Он легко просчитывал развитие событий и очень редко ошибался.

Может, и не следовало лезть во все это... Хотя он ни о чем не жалел. Виталий добился всего, что было доступно в рамках закона. А жизнь ведь не кончается, жизнь идет дальше, и она должна быть интересной! Он мало в чем теперь находил истинное удовольствие. Все, что можно получить за деньги, он давно попробовал, и это вгоняло его в скуку. Связи с другими людьми Виталий умел изображать, но не строить, да и не нуждался он в них. Собственную социопатию, перемежающуюся с нарциссизмом, он давно уже диагностировал и не считал большой проблемой.

Истинное удовольствие ему доставляли лишь победы – над людьми и обстоятельствами. И он ведь побеждал! Мало кто из обывателей способен понять тот чистый, истинный триумф, который обеспечивает превосходство. Виталий двигался все выше и выше... а потом его заставили упасть.

Он не ожидал такого ни от Форсова, ни от его учеников, однако полноценной ошибкой это не было. Они вмешались слишком неожиданно, он не успел их толком изучить, ему только и оставалось, что принимать быстрые решения... которые оказались неверными. Так тоже бывает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.